

Мне лучше

Автор:

Давид Фонкинос

Мне лучше

Давид Фонкинос

Давид Фонкинос, увенчанный в 2014 году сразу двумя престижными наградами – премией Ренодо и Гонкуровской премией лицеистов, – входит в десятку самых популярных писателей Франции. Его романы имеют успех в тридцати пяти странах. По знаменитой “Нежности” снят фильм с Одри Тоту в главной роли, а тираж книги давно перевалил за миллион.

Герой романа “Мне лучше” – ровесник автора, ему чуть за сорок. У него есть все, что нужно для счастья: хорошая работа, красивая жена, двое детей, друзья. И вдруг – острая боль в спине. Врачи разводят руками и советуют искать психологические причины. Приходится разбираться со своим прошлым, выяснять отношения с детьми, с родителями, с женой. Благополучие трещит по швам, а поиски исцеления превращаются в настоящий квест.

Давид Фонкинос

Мне лучше

David Foenkinos

Je vais mieux

© Editions Gallimard, Paris, 2013

© Н. Мавлевич, перевод на русский язык (части I и II), 2016

© М. Липко, перевод на русский язык (части III-V, эпилог), 2016

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016

© ООО "Издательство АСТ", 2016

Издательство CORPUS ®

Часть первая

1

Нельзя не почувствовать, когда ты на пороге перемен. Я сразу понял: что-то назревает. Хотя и представить себе не мог, какие меня ждут крутые повороты. Поначалу просто стала побаливать спина, колело в пояснице, в одной точке. Раньше ничего такого не бывало, и я не придавал значения этой ерунде. Подумал – что-то нервное, от перенапряжения, столько хлопот было в последнее время.

Исходным пунктом всей истории можно считать то воскресенье – один из первых погожих деньков в году. Когда так радуешься солнцу, пусть пока еще слабенькому и робкому. Мы с женой пригласили на обед друзей – семейную пару, которую, собственно, приглашаем всегда; дружба с ними давно превратилась в такую же застарелую привычку, как наша супружеская любовь. Впрочем, в тот раз было кое-что новенькое. Мы только что переехали в маленький загородный дом с садом. И садом этим страшно гордились. Жена сажала в нем розовые кусты с едва ли не эротическим благоговением, и я понимал: в этот клочок земли она вкладывала все душевные упования. Иной раз мы гуляли по цветнику вдвоем и вдруг нас пробивало страстью, как в старину.

Тогда мы спешили в спальню, чтобы на двадцать минут вернуть свои двадцать лет. Редкие и потому особенно дорогие мгновения. Хроническая усталость Элизы ненадолго отступала. Моя жена становилась беспомощной и нежной, а я каждый раз дивился собственной доблести – ведь смог же я когда-то сделать ей детей!

Итак, я принес из кухни четыре чашки кофе на подносе, и Элиза спросила:

– Что с тобой? Ты как-то неважно выглядишь.

– Да так, спина заныла. Ничего страшного...

– Что поделаешь, возраст... – сказал Эдуар своим обычным дурашливым тоном и притворно вздохнул.

Я отмахнулся – пустяки! Не люблю быть в центре внимания. А быть предметом обсуждения – и подавно. Однако колело все сильнее. Жена о чем-то разговаривала с гостями, а я никак не мог включиться. Только прислушивался к боли и соображал, где и когда я мог надорваться в последние дни. Да вроде бы нигде. Тяжестей не поднимал, резких движений не делал – ну никаких таких заскоков не случилось... с чего вдруг спина разболелась. И почему-то с самой первой минуты я решил, что это серьезная штука. Будто нутром почуял – дело плохо. Или такое время, что мы всегда настроены на худшее? Мало, что ли, наслушался я историй, как болезнь искалечила людям всю жизнь!

– Еще кусочек клубничного торта?

Элиза перебила мои мрачные раздумья. Я, как ребенок, протянул тарелку. Ем-ем, а сам тихонечко ощупываю поясницу. И что-то там как будто есть (шишка, что ли, какая-то), но так оно на самом деле, или мне показалось со страху – иди знай. Глядя на меня, Эдуар отвлекся от торта и спросил:

– Не проходит?

– Нет... Не пойму, что стряслось... – признался я с легкой паникой в голосе.

– Может, тебе лучше прилечь? – сказала Сильви.

Сильви – жена Эдуара. Я познакомился с ней, когда учился в последнем классе лицея. То есть лет двадцать с лишним назад. Она была двумя годами старше, а разница в возрасте – единственная непреодолимая дистанция между людьми. Я ей увлекся с самого начала, а для нее как был, так и остался мальчишкой. Иногда по субботам она водила меня по каким-то невероятным галереям или выставкам, куда никто, кроме нас, не забредал. Сильви рассказывала, что ей нравится, а что нет, а я старался выработать свой собственный, независимый вкус (и напрасно – по большей части я был с ней согласен). Она уже тогда много занималась живописью и казалась мне воплощением свободы, богемной жизни. Всего того, от чего я очень скоро отказался, поступив на экономфак. Но, прежде чем принять такое решение, целое лето колебался – ведь я хотел стать писателем, ну, или, точнее говоря, у меня были смутные планы написать книгу о Второй мировой войне. Кончилось тем, что я склонился к общему мнению[1 - То есть к мнению родителей.] и выбрал практическое поприще. Как ни странно, к такому решению толкала меня и Сильви. Не потому, что не видела во мне таланта – она и двух строчек моих не читала. Скорее всего, она просто считала, что я не гожусь для беспорядочной, полной сомнений и исканий жизни. Наверно, у меня была уж очень добропорядочная физиономия. Физиономия человека, которого в конце концов, двадцать лет спустя, в загородном доме скрутит боль в спине.

Через несколько месяцев после нашего знакомства Сильви представила мне Эдуара и серьезно сказала: “Это мужчина моей жизни”. Меня всегда впечатляло это выражение. Потрясала пышная риторика, с которой самой непредсказуемой в мире вещи – любви – приписывалось непоколебимое постоянство. Как можно быть уверенным, что сиюминутное пребудет вечно? Однако, судя по всему, она оказалась права и за долгие годы брака не разуверилась в Эдуаре. Они с ним составили одну из тех феноменально прочных пар, секрет которых трудно угадать: казалось бы, между супругами совсем ничего общего. Сильви, которая так превозносила богему, влюбилась в студента-дантиста. За много лет я разглядел и в Эдуаре творческую жилку. Он мог говорить о своей профессии с пылом настоящего художника и лихорадочно листал стоматологические каталоги в поисках бормашины по последнему слову техники. Всю жизнь с охотой ковыряться в чужих зубах – в этом, согласитесь, есть своего рода безумие. Но это понимание пришло со временем. А тогда, после первого знакомства, я, помнится, спросил Сильви:

– Скажи честно, за что ты его полюбила?

- За то, как он мне заговаривает зубы.

- Да ладно, кроме шуток!

- Не знаю, за что. Полюбила, и все.

- Да не можешь ты любить зубного врача! Зубных врачей никто не любит. Только такие и пойдут в зубные врачи – кого никто не любит.

Я нес все это из ревности или чтобы ее посмешить. А она погладила меня по щеке и сказала:

- Вот увидишь, ты его тоже полюбишь...

И, как ни странно, не ошиблась. Эдуар стал моим лучшим другом.

Прошло еще несколько месяцев, и я тоже встретил свою любовь. Случилось это очень просто. Раньше все девушки, в которых я влюблялся, на меня и не смотрели. В этой гонке за несбыточным я потерял веру в себя. И уже почти свыкся с мыслью, что обречен на одиночество, как вдруг появилась Элиза. Все сложилось как-то само собой, и рассказать-то особенно нечего. Нам просто было хорошо вместе. Мы гуляли, ходили в кино, выясняли, кому что нравится. Прошло столько лет, а я и сейчас волнуюсь, когда вспоминаю те наши первые дни. Кажется, они так близко, протяни руку – дотянешься... Не верится, что молодость прошла. Да и как в такое поверишь? Эдуар и Сильви по-прежнему рядом. Мы все так же ходим друг к другу в гости, все так же болтаем о том о сем. Возраст никак на нас не отразился. Ничего не изменилось. Ничего, кроме одного: появилась вот эта моя боль в спине...

Я послушался Сильви, пошел в спальню и лег. Голова кружилась, как после хорошей попойки. Хотя я всего-то и выпил бокал вина перед обедом. Спина противно ныла. Вскоре пришел Эдуар.

- Ну как? Ты нас испугал.

- Мне и правда худо.

- Понимаю. Я же тебя знаю: ты комедию ломать не станешь.

- ...

- Где у тебя болит?

- Вот тут. - Я показал рукой.

- Можно я посмотрю?

- Но ты же зубной врач.

- Зубной врач - как-никак тоже врач.

- Не вижу связи между зубами и спиной.

- Так ты хочешь, чтобы я тебя осмотрел, или нет?

Я задрал рубашку. Эдуар стал ощупывать мою спину. Сначала молча, и в эти несколько секунд мне померещились всякие ужасы, а потом успокоительно сказал, что ничего особенного не нашел.

- Там маленькая шишка, видишь?

- Да нет, ничего не прощупывается.

- А я чувствую.

- Обычное дело. Людям часто кажется, что в больном месте что-то не так. Такая болевая галлюцинация. Мои пациенты сплошь и рядом уверяют, что у них опухла щека, хотя на самом деле все нормально.

- А-а...

- Лучше всего прими пару таблеток долипрана и полежи спокойно.

Дантист есть дантист, подумал я про себя. Какой врач, такой и диагноз. Что он понимает в спине? Ни один зубной врач в спине не понимает ничего. Все же я пробурчал спасибо и попробовал поспать. Таблетки, как ни странно, помогли. Я задремал и уверился во сне, что ничего у меня не болело, так, просто блажь, и все будет в порядке. А когда проснулся, выглянул из окна. Элиза стояла на коленях в саду и нюхала цветы – видимо, гости давно уехали. Не знаю, каким образом, но женщины чувствуют, когда на них смотрят. Вот и моя жена, как по волшебству, тут же подняла голову и улыбнулась мне. Я улыбнулся в ответ. И подумал, что наконец-то это воскресенье стало нормальным – каким и положено быть воскресенью. Однако к вечеру боль возобновилась.

2

Интенсивность боли[2 - По десятибалльной шкале.]: 6

Настроение: обеспокоенное

3

Ночью я плохо спал. То и дело просыпался и смотрел на стоявший на тумбочке электронный будильник – светящиеся цифры показывали часы и минуты. Я злился на себя, что не сходил перед сном в аптеку за обезболивающим. И с тревогой думал о завтрашнем утре – у меня была назначена важная встреча с клиентами. Все рассядутся вокруг стола, и что я буду делать со своей больной спиной? Эту встречу с японцами я готовил не одну неделю. Господин Осикими собственной персоной прибудет, чтобы поговорить с руководством агентства. Кроме того, это была отличная возможность утереть нос Яну Гайару. Это мой коллега, с которым мне с некоторых пор приходилось соперничать за продвижение по службе, и если я был за честную борьбу на равных, то он пошел бы на все, чтобы меня отпихнуть. С тех пор как это началось, моя жизнь на работе превратилась в ад. Но не сдаваться же – за карьеру надо бороться (и

кредит за дом еще не выплачен). С завистью смотрел я, как процветают каждый в своей области некоторые из моих друзей, тогда как я не столько работал, сколько вовлекался в какую-то беспощадную борьбу. Так я и пролежал с открытыми глазами, пока не зазвонил будильник. И тогда сказал жене, что практически не спал всю ночь.

- Это уж совсем никуда не годится, - сказала она. - Давай-ка прямо с утра сходим в неотложку.

- Не могу. Ты что, забыла - у меня совещание.

- Да ты посмотри на себя - куда ты пойдешь в таком виде! Позвони на работу, скажи, что немного опоздаешь. Уверена, тебя подождут. Все ведь знают: ты комедию ломать не станешь.

Вот уже второй раз за два дня я услышал это выражение в свой адрес. И как его понимать? Окружающие точно знают, что я не стал бы преувеличивать. Я говорю то, что думаю, ни больше ни меньше. Вот что, видимо, значит "не ломать комедию".

Элиза меня уговорила, и мы отправились к врачу. Я послал сообщение Матильде, моей секретарше, что задержусь.

- Это наверняка связано одно с другим, - сказала Элиза уже в машине.

- Что?

- Твоя спина и утреннее совещание. Соматическая реакция. Ты все твердил, что это для тебя страшно важно.

- Да... может быть.

Еще в дороге я получил сообщение от Гайара:

Матильда сказала мне про твою спину. Не расстраивайся. Японцы тоже предупредили, что опаздывают. Мы тебя подождем. На связи.

Ненавижу, когда люди пишут в конце эсмэсок “на связи”. Впрочем, я ненавижу все, что бы ни сделал этот конкретный человек. Выбери он любое другое слово – мне бы все равно не понравилось. Я бы лопнул от злости, если бы рядом не было Элизы. Она включила радио. Старые песни качали понедельничное утро, как люльку. Знакомые мелодии из прошлого ласкали слух, вытесняя тревожное настоящее.

Наконец мы приехали и вошли в огромный, скудно освещенный желтыми неоновыми лампами зал. Народу полно, сплошь перекошенные от боли физиономии. Не у нас одних пошло насмарку воскресенье – тут таких пострадавших целая община. Всем худо. Стыдно сказать, но от одной мысли, что многим еще хуже моего, мне полегчало. Для того и приемные: сравнить свой случай с другими. Ощупываешь, выстукиваешь взглядом соседей. У меня было далеко не самое острое состояние. Парень рядом со мной сидел, согнувшись пополам, натужно дышал и бормотал что-то невнятное, похожее на молитву. Так что, когда меня вызвали, я спросил медсестру:

– Может, сначала стоит заняться вот им?

Привыкшая к тому, что “каждый за себя”, она явно удивилась:

– Не беспокойтесь. Сейчас придет врач.

– ...

– Вам в зал номер два.

– А! Хорошо... Спасибо.

Я встал и в последний раз посмотрел на парня. Элиза, кажется, тоже за него переживала. Но, когда я уходил, она сказала:

– Пока ты будешь у врача, я заскочу в “Декораму”, тут рядышком. Хорошо бы подыскать новую лампу в гостиную.

– Ладно.

– Позвони, когда выйдешь.

Это она-то, такая заботливая с самого начала, настоявшая на том, чтоб я сюда явился, теперь берет и преспокойно меня бросает! Побоялась услышать страшный приговор? Нет, вряд ли – не пошла бы она в магазин, если бы опасалась худшего. Взвешивать, какая причина правдоподобнее, было некогда. То ли это попытка скрыть лихорадочное возбуждение, то ли бесчувственность (какая нередко появляется у супругов со стажем) – какая разница! Думаю, скорее всего, Элиза пыталась разрядить обстановку, сгладить ее драматизм невинным шастаньем по подвернувшимся под руку лавкам. Да и правильно делала. А то я уже чувствовал себя так, словно на меня навалилась вся тяжесть мира. И никак не мог с достоинством принять случившееся. Дикость какая-то, у всякого может заболеть спина, ничего ужасного – обычный медицинский осмотр, почему бы жене пациента не заглянуть в это время в магазин.

В зале номер два пришлось еще немного подождать. Первый этап, сортировку, я прошел и теперь попал в нужное отделение. Едва переступив порог больницы, я сосредоточенно следил за всем, что делается вокруг, и это возымело странный эффект: спина перестала болеть. Тут-то меня и позвал врач. Сутки с лишним я мучился, а теперь, в кабинете специалиста, не чувствовал ровным счетом ничего. Он подумает, что я просто мнительный псих, который несется к врачу по любому пустяку, в городских больницах от таких спасу нет. Иными словами, получится, что я ломаю комедию. Эдуар потом объяснил мне, что это типичный психологический феномен: на приеме у врача боль нередко исчезает напрочь, словно прячется, чтобы ее не обнаружили. Доктор был очень приветлив и посмотрел на меня так, будто я у него был единственным пациентом. Видно, любил свое дело и каждый день, надевая белый халат, проникался неиссякающим состраданием к людям. Наверняка женат, жена – свободный художник, работает где-нибудь на полставки. Летом они поедут на Сицилию, заниматься подводным плаванием. Поначалу она будет трусить, но он ее успокоит. Вот уж с кем приятно провести в отпуск.

- Вам повезло. Сегодня утром мало народу.
- Ну... вот и хорошо.
- А то бывает очередь часов на пять, если не на все восемь.
- Да уж, и правда повезло.
- Итак, чем могу быть полезен?
- У меня со вчерашнего дня сильно болит спина.
- И часто у вас такие боли?
- Нет, первый раз.
- Это случилось после сильной физической нагрузки?
- Да нет, я не делал ничего особенного. Заболело просто так. Во время обеда.
- А о чем вы разговаривали? Может быть, что-то вас расстроило?
- Вроде бы нет... Все было нормально.
- Не испытываете ли вы в последнее время стресс?
- Есть немножко.
- Стресс, переутомление – главная причина таких болей. Недаром говорят “спину ломит”. В спине все неприятности оседают.
- Надо же...

Я так и видел, как он повторяет эти истины каждому, кто жалуется на боли в спине. Это помогало представить тревожные ощущения вполне нормальными.

Измотанный трудяга – случай самый обыкновенный. Мало ли нас таких, загнанных в стресс, – все логично.

– Снимите рубашку и лягте на живот.

Я послушно растянулся на кушетке. В последний раз я лежал в такой позе лет тридцать назад, когда мы с Элизой ездили в Таиланд. Меня массировала, натерев ароматическими маслами, молодая женщина с длинными черными волосами. Тогда и теперь – абсолютно противоположные ситуации. Доктор довольно долго мял меня молча. И я уже читал в его молчании свой приговор.

– Тут болит? – спросил он наконец.

– Да... ну... примерно тут.

– Понятно-понятно...

Почему он дважды сказал “понятно”? Когда повторяют одно и то же – это плохой признак. Наверно, тянет время, прежде чем объявить роковой диагноз.

– Так... надо бы сделать снимки. Посмотрим, что они покажут, это нам поможет.

– Поможет в чем?

– Уточнить диагноз.

– ...

– Вы можете сделать рентген прямо сейчас.

– Это не совсем удобно, у меня важное совещание. А можно отложить до вечера или до завтра?

– Конечно, можно... но надолго все же не откладывайте, – ответил доктор. Невольная тревога сквозила в его голосе – похоже, он старался скрыть от меня необходимость действовать срочно. Сонм мрачных мыслей закружился у меня в

голове, но я отважно попытался отогнать их. Машинально оделся и даже вежливо поблагодарил доктора. На пороге помедлил – вдруг он в последнюю секунду скажет что-нибудь утешительное. Чуть ли не клянчил желанное словечко, как собака кость, чтоб унести с собой и вгрызться. Это ужасно унижительно.

Я записался в регистратуре на завтра. Меня несколько раз переспросили. Язык еле ворочался – так мне было плохо. Слова врача не шли из головы. Пусть бы он сказал: “это пустяки” или “это просто спазм”, так нет же! Сначала долго молчал, потом сказал, что надо сделать снимки. Этот человек видит по сотне спин в день. Он первый спец по спинам, и он велел прийти еще раз. Хуже того – сказал, что хочет “уточнить диагноз”. Раз нужно “уточнять”, значит, что-то не так. Звучит хуже некуда. Никак иначе этого не истолкуешь. Здоровому человеку незачем ставить диагноз. Диагноз – это начало трагедии.

Я постарался справиться с собой. Нечего сгущать краски. У страха глаза велики, доктор и не думал смущаться, это мне померещилось. Он говорил спокойно, ясно, без эмоций, как разговаривают с любым пациентом, у которого нет ничего серьезного. Какое-то время я цеплялся за этот утешительный вариант, а потом возвращался к ужасной правде. Нет, врач насторожился – в этом нет сомнений. Я все вижу ясно, потому и волнуюсь о том, что будет дальше. Да и боль, едва я вышел от врача, возобновилась. Стреляло будь здоров. Мне даже показалось, что больная зона становится больше, расплзается, как чернильное пятно на бумаге. Вниз до самого копчика и вширь, на всю поясницу.

Элиза ждала меня у входа.

– Ну как? Ты весь бледный.

– Завтра надо сделать рентген.

– Рентген?

– Да, для проверки.

- ...

Элиза, кажется, сказала что-то еще, но я не расслышал. Я силился взять себя в руки и думать о предстоящем совещании. Но ничего не мог поделаться – беседа с врачом прокручивалась снова и снова. Всплыли его первые вопросы. Может, за обедом действительно было что-нибудь травмирующее? Слово, реплика, жест? Фразу за фразой, я перебирал в уме весь наш тогдашний разговор – ничего, что могло бы вызвать такую боль. Впрочем, я сейчас издерган и туго соображаю. Вот сяду вечером и подробно запишу. Надо все расследовать, не упуская ни одной улики, найти и тщательно распутать нити, ведущие к преступлению. К появлению боли. В машине Элиза прервала затянувшееся молчание:

- Ты сердишься, что я ушла?

- Да нет... нисколько.

- Я страшно разволновалась и просто не смогла бы дожидаться, пока ты выйдешь. Мне вспомнилось, как мама возила отца на химиотерапию.

- ...

Удивительно, что у жены возникла ассоциация между моим недомоганием и смертельной болезнью отца. Сравнение не из приятных. Но я понял Элизу, и мне стало легче: она оставила меня не из-за душевной черствости. Как мне вообще могло такое вздуматься? Элиза вела себя безукоризненно, соблюдая идеальную пропорцию сострадания и оптимизма. Ей не очень нравилось, что я собираюсь идти на работу в таком состоянии, но она знала, насколько важно для меня сегодняшнее совещание, и взялась меня подвезти. Я-то хотел взять такси, чтобы не задерживать ее еще больше, но она не согласилась. Просто предупредила свою секретаршу, что опаздывает. Моя жена – сама себе хозяйка и потому свободнее распоряжается своим временем. Она заведует яслями, ее клиенты – папочки и мамочки, радостно разбирающие своих чад по вечерам. Там, в яслях, все мило и уютно, свой, детский, мирок, преддверие мира взрослых. Элиза свою работу обожала, одно только мешало полному счастью: бывшие воспитанники не узнавали ее. Встретится какой-нибудь на улице – смотрит на нее, как на чужую тетю. “Жаль, что самое раннее детство не запоминается”, – частенько вздыхала она.

Когда мы доехали, еще не было десяти – я успевал на совещание. Элиза погладила меня по щеке, прошептала: “Все будет хорошо”, – и я вылез из машины.

4

Интенсивность боли: 6

Настроение: тревожное

5

В архитектурном бюро “Макс Бэкон”, одном из лучших в Париже, я работал уже больше десяти лет. Занимался всего лишь сметами проектов, но к делу относился... не скажу “творчески”, но с душой. Ничего захватывающего в моей работе, может, и не было, однако же я врос в эту размеренную, от планов до отчетов, жизнь. Мне открылась некая осязаемая красота цифр. Даже к безликим вещам, вроде мебели в кабинете, я привязался. К моему шкафу, например, – как умильно скрипит его дверца! Этакая вещественная форма стокгольмского синдрома. Как узники начинают любить своих мучителей, так и я испытывал блаженство, обретаясь в этом офисном мире, словно под постоянным наркозом. Год за годом в счастливом бесчувствии скользил по узкой колее, теперь же эта безмятежность досадно нарушалась глупейшим духом соперничества. Ничего не попишешь, мир переменялся. Нужно быть успешным. Нужно быть продуктивным. Нужно быть эффективным. И нужно вступать в борьбу ради всех этих “нужно”. В дверь стучится новое поколение, оголодавшее от безработицы и вооруженное новейшими технологиями. Все это и вгоняло меня в стресс. Прошло время, когда мы заглядывали друг к другу в пятницу после работы, чтобы выпить и поболтать. Нынче каждый сам по себе. Дружба с сослуживцами уже выглядит подозрительной. Безмятежное некогда офисное житье-бытье стало похожим на жизнь при оккупационных властях, и я не очень понимал, что делать: сопротивляться или сдаться и сотрудничать с ними.

В то утро, добравшись до работы, я бросился в лифт и рванул на восьмой этаж, где проходила встреча. Пока лифт поднимался, у меня было время посмотреть на себя. Для того и висело большое зеркало – чтобы каждый мог причесаться, поправить галстук или складки на юбке. Я снова увидел трагическую мину, но это ладно. На виске блестела капля пота – вот это да! Впервые в жизни у меня выступил пот не от физического напряжения, а от чего-то другого. Я уставился на эту капельку и не сразу вытер ее платком. Только вышел из лифта, как столкнулся с Гайаром:

– О, вот и ты! Японцы, слава богу, задержались, так что ты ничего не пропустил.

– Прекрасно.

– Как сам-то? Ты же был в больнице?

– Да-да, спасибо, все в порядке. Ложная тревога.

– Отлично! Сейчас болеть не время. Ты нам нужен, старина!

Он похлопал меня по спине. Как будто мы с ним закадычные друзья. И вроде он так искренне сочувствует. На миг я даже усомнился – такой ли уж он мне враг. Вон как обрадовался мне. На совещании должен был обсуждаться большой проект, связанный с реставрацией после фукусимской аварии. Предстояло договориться с Осикими и его коллегами о финансовой стороне дела. Эта задача ложилась на нас с Гайаром. Жан-Пьер Одидер, наш шеф, конечно, тоже участвовал в такой важной встрече. Он у нас типичный образец руководителя, который иногда силится показать, что он на короткой ноге с подчиненными, но на настоящие человеческие отношения не способен. Можно подумать, родился начальником. Натасканный на частных курсах, он без труда поступил в Высшую коммерческую школу. Став студентом, поначалу загулял. На радостях, что освободился от постоянного надзора, стал изрядно выпивать и покуривать травку. Но быстро понял, что разгул – не для него, и вернулся к своей обычной несгибаемой правильности. И вся его дальнейшая жизнь была прямой и правильной, даже тонкие с проседью усики всегда торчали строго горизонтально.

В особо значительных случаях Одибер, само собой, умел изобразить радушие. Японцы были страшно смущены – у них опоздание считается верхом невежливости. Поэтому, встречая их, он сделал попытку пошутить – сказал, что ценит их старание придерживаться наших обычаев. И даже расценил их задержку как “знак уважения к Франции”. Все натянуто улыбнулись; такой шаблонный “переговорный” юмор неизменно срабатывал – размораживал принужденность первых минут. Затем мы принялись методично, пункт за пунктом, излагать свой грандиозный проект. Сосредоточенный на докладе, я позабыл о своей больной спине и чувствовал себя превосходно, но вдруг вмешался один из помощников Осикими (тот, что говорил по-французски):

– Прощу прощения, что перебиваю вас, но я не понял, каким образом вы получили такую цифру.

– Что вы имеете в виду?

– Затраты на торговый центр.

– А!

– Вот-вот. Сумма явно завышена. Не знаю, из чего вы исходили и на какие расчеты опирались, но предупреждаю с самого начала: такое предложение мы принять не сможем.

– Но...

– Если я передам его господину Осикими, боюсь, он немедленно встанет и уйдет.

– Не понимаю... это оптимальное решение... – Я совершенно сбился с толку.

Повисла пауза. Все молча уставились друг на друга. Но мрачный взгляд, что метнул на меня Одибер, прорезал это молчание не хуже громкого крика. Я почувствовал, как на виске набухает вторая капля пота (видимо, первая была ее предвестницей). Этот проект я проработал очень тщательно, процент нашей прибыли заложил очень скромный – так почему такая странная реакция! Расчеты, сделанные за последние месяцы, промелькнули у меня в голове, подобно тому как за минуту до конца вся жизнь проносится перед мысленным

взором умирающего. Нет, я не понимал, в чем загвоздка.

Но проблема была налицо, или, если угодно, на лице сидевшего напротив меня человека. И тут заговорил Гайар:

– Думаю, наш сотрудник учел не все данные и допустил оплошность. Мне понятна его ошибка и ваша реакция...

– ...

– Собственно говоря, все это легко уладить... мы быстро устраним просчет... взгляните вот на этот документ... бла-бла-бла...

Продолжение его победной речи я уже не слушал. Было ясно: он с самого начала расставил мне ловушку: заставил работать с неверными данными. И поджидал момент, когда я публично облажаюсь, а он спасет ситуацию. Как он, бедняжечка, наверное, боялся, что я сегодня не приду, и вот почему встретил меня с такой радостью. Видимо, этот человек достиг заоблачных вершин в искусстве пакостить коллегам. И что было делать? Орать? Беситься? Нет. Я должен был молчать, чтобы не погубить проект. Я и молчал все время, пока японцы не ушли. Совещание продолжалось еще целый час – час унижительный, мучительный, – японский вариант китайской пытки.

Уходя, японцы, вежливейший народ, мне едва кивнули. Я остался сидеть на стуле в опустевшем зале и разглядывать записи на доске – радужные выкладки нового, постфукусимского урбанизма. Но вскоре в коридоре раздался рык Одибера: “Где этот болван?”, а потом явился и он сам. Шеф показался мне большущим, огромнейшим великаном, с головой под самый потолок. Заговорил он не сразу – поначалу просто молчал, но это молчание было ужаснее всего. Есть выражение “затишье перед бурей”. Я уже чуял в нем громы и молнии. Затишье, чреватое бурей, которая вот-вот разразится. Уже разразилась:

– Что это вы наворотили? Нарочно, что ли, чтобы все провалить?

– Но...

- Никаких “но”! Счастье, что ваш напарник вмешался. И впредь я не намерен поручать вам ответственные дела!

- ...

- Вы подвели меня. Ужасно подвели...

- ...

- В общем, до новых распоряжений вы больше ни к чему не прикасаетесь, понятно?

- ...

- Так вам понятно?

- Да...

Он отчитал меня, как мальчишку. И я был вынужден беспрекословно слушаться. Мне хотелось заплакать – хорошо, что я разучился: не плакал так давно, что глаза отвыкли вырабатывать слезы. Шеф еще покричал и ушел. У меня гудело в голове. И снова заныла спина. Я был разбит душой, и тело не желало отставать. Но в тот момент я все еще был твердо убежден, что боль в спине никак не связана с тревогой. Вот найдут у меня что-нибудь серьезное, безнадежное. По сути, оно бы и неплохо. Шеф не посмеет сердиться на неизлечимо больного. Иного способа обелить себя я не видел. Он бы, конечно, пожалел, что кричал на меня и отстранил от всех проектов. Все равно ведь я скоро умру.

И тут появился Гайар – зашел походочкой этакого мелкого офисного пахана, с ухмылкой записного мерзавца. Так и светился весь от радости. Не понимаю, как можно дойти до такого: сознательно уничтожать людей? Тем более я не из самых опасных и честолюбивых его соперников. Но похоже, бессмысленность злодеяния только подстегивала его, и желание размазать меня по стенке удесят�ерялось, оттого что реальной причины для него не существовало. “Каждый за себя”, – сказал он, глядя мне в глаза. Верх идиотизма. Зачем ему понадобилось подкреплять свою подлость какими-то словами? Будто я не

догадывался, что каждый за себя, и не понимал без всяких лозунгов, что мне объявлена война! Но нет, ему хотелось взбесить меня. Выпалив эту хлесткую фразу, он продолжал разглядывать меня. Думал, наверное: “Не может быть, чтобы ему было плевать, не может быть!” Однако, к его удивлению, я не шелохнулся. Не потому, что так захотел. Просто не мог иначе. Я все еще был в каком-то ступоре после посещения больницы и плохо соображал, что со мной происходит. Но это пройдет. Сегодняшняя стычка будет иметь продолжение; когда и какое – не знаю, но точно будет.

6

Интенсивность боли: 8

Настроение: всех бы поубивал!

7

“Каждый за себя”, – снова пришло мне в голову, когда на следующее утро я сидел в больнице и глядел на других пациентов. Мы все собрались тут, на первом рубеже диагностики, как спортсмены на стартовой линии. У кого-то, может, найдут онкологию, всякие опухоли, а кому-то повезет проскочить. Будь на здоровых некая квота, мы бы сцепились и дрались, как псы, чтобы попасть в избранные. Но решал слепой случай, так что бороться бесполезно. Тут “каждый за себя” означало, что все мы одиноки перед лицом судьбы. Я ужасно боялся потерять прежнюю жизнь. Все, что раньше казалось обычным (когда я жил себе без всяких болячек), предстало в новом свете. Тогда я не понимал своего невероятного счастья, теперь же те часы и дни представлялись мне блаженством. Скованный болью и страхом, я давал себе слово, что если когда-нибудь выкарабкаюсь, то уж буду наслаждаться здоровьем на всю катушку.

На этот раз жена не смогла поехать со мной, и слава богу. Если вдруг на снимках обнаружится что-то плохое, мне не хотелось бы, чтобы об этом кто-то знал. Нет ничего хуже, чем рассказывать другим о своих несчастьях, а потом еще, чего

доброе, их же и успокаивать. По гороскопу я Скорпион, замкнутая натура. Храню все в себе, никого не посвящаю в свои дела, держусь всегда в сторонке и в тени. Вот и вчера не рассказал Элизе, что случилось на работе. Отделался пустыми отговорками: все хорошо, все прошло нормально; да и нетрудно было утаить правду – она сама тотчас заговорила о другом. Она и спросила-то об этом решающем для меня совещании только из вежливости – так уж принято: вас спрашивают, как вы провели день, а ответа практически не слушают. Мы с Элизой постоянно парили в этом облаке любезности, где так легко не касаться ран друг друга. Мне не стоило никакого труда скрывать свою жизнь от окружающих. Они никогда не проявляли к ней чрезмерного интереса. А я еще и чуточку себе подыгрывал: дескать, не потому отмалчиваюсь, что до меня никому нет дела, а потому, что сам люблю скрытничать. Задай мне кто-нибудь хоть раз вопрос о чем-то личном, всерьез желая получить ответ, – я расскажу ему всю жизнь – от и до. Завидую иной раз благодушным эгоцентрикам, способным говорить о себе часами.

Минут через пять меня вызвали к рентгенологу. В отличие от его вчерашнего собрата, держался он довольно сухо. Даже не взглянул на меня – только дал указания, что делать. Я уговаривал себя, что так и должно быть. Этот врач занимается чисто технической стороной обследования. Диагноз уже установлен, а рентген – просто обязательная процедура, незачем тратить время на пустые расспросы. В общем-то меня вполне устраивало, что все делается так вот бесстрастно. А кроме того, молоденькая ассистентка рентгенолога, видимо стажерка, время от времени застенчиво мне улыбалась. Что искупало холодность врача. За несколько секунд я понял: она им безмерно восхищается. Должно быть, еще и это заставляло его входить в образ недостижимого медицинского светила; может, без нее он был бы самым приветливым человеком на свете. Но юная девушка восторженно наблюдала за его работой, и под этим взглядом он становился другим, так что теперь было не понять, каков же он на самом деле.

Положение больного и без того неприятно, а тут еще мне надо было прижаться спиной к холодному, лучше сказать, ледяному экрану и не дышать. От страха я совсем отупел и, верно, выглядел как умственно отсталый – переспрашивал самые простые вещи. Например, никак не мог понять, когда задерживать дыхание. Дышал и не дышал невпопад. Было досадно – снимок получится негодный – и стыдно, что я такой бестолковый пациент; ведь каждому больному

хочется подчеркнуть, какой он хороший клиент, некоторые даже пытаются шутить – такими непринужденными притворяются. Но это не про меня. Я раскис и сдался: лучше бы мне сразу объявили, что я неизлечимо болен, и прекратили эту изощренную современную пытку. Да, пытка – слово подходящее. Рентгенолог отдавал мне распоряжения из-за зеркального стекла, он меня видел, а я его нет, – так полицейский-садист ослепляет жертву ярким светом, оставаясь невидимым. Приказывал повернуться то левым, то правым боком, будто фотографировал задержанного преступника. Что ж, может, мне и приговор скоро вынесут. Команды следовали одна за другой, а потом прекратились. Мне почудился шепот. Наверно, врач делился с практиканткой – анализировал, что он там увидел. Но почему без моего участия? Я, по его милости, стоял полуголый, притиснутый к холодному экрану, пока он умничал перед студенткой, которая ему годилась в дочери. Меня подмывало спросить: “Все в порядке?” – сказать не важно что, лишь бы напомнить о своем присутствии. Но я не посмел. Ужасно злило, что я попал на рентгенолога со стажеркой, я был психологически не готов служить учебным пособием. Пусть себе этот доктор соблазняет девушку, пускай везет ее на выходные в Венецию или в Гамбург – мне все равно, только бы сейчас они вспомнили обо мне. Процедура затягивалась. Дождаясь своей очереди, я рассчитал, сколько примерно длится сеанс рентгенографии – мой явно превышал средний показатель.

Наконец рентгенолог вышел из своей кабины:

– Придется сделать повторную серию снимков.

– Повторную? Зачем?

– Для полной ясности.

– А что там?

– Да ничего. Просто... один снимок смазан... мне нужно уточнить.

– ...

– Не волнуйтесь, это быстро.

И не успел я ничего ответить, как он снова скрылся. Нет ничего тревожнее, чем когда вам говорят “не волнуйтесь”. Ну, я старался все-таки не психовать и сохранять спокойствие. Паниковать ни к чему. Он хочет уточнить... но что, что уточнять-то?

- Сделайте глубокий вдох... а теперь не дышите.

- ...

- Отлично, вы делаете успехи.

Я не ослышался! Он сказал это с юмором. Но нет ничего тревожнее, чем когда с вами шутят, а дело серьезное. Хорошо ему умничать – а мне становилось все хуже! Не было сил терпеть. Вся обстановка действовала на нервы. Сколько мужчин и женщин побывало в этом кабинете, сколько людей стояли тут поодиночке, раздетыми, как я, и ждали приговора? Сколько их входило сюда спокойно, а выходило в смятении? Я с этим врачом не знаком. Он мне никто, я ничего о нем не знаю, и вот в его руках моя судьба. Он всю жизнь занимается тем, что приносит дурные и хорошие вести. Чем не демиург? Я, например, на такое не гожусь. Если бы я увидел на снимках что-то ужасное и должен был сообщить пациенту в лицо о скорой смерти, то просто дал бы деру. Но мой рентгенолог никуда не бежит и бежать не собирается.

- Можете одеваться, – сказал он из кабины.

Уже хорошо. Одежда – хоть какая-то защита. Врач подошел ко мне и объявил:

- В целом, судя по снимкам, у вас все нормально.

- В целом?

- У вас болит в нижней части спины?

- Ну да... вот здесь...

- Я, откровенно говоря, ничего страшного не вижу. Но немного повыше того места, что вы мне показываете... есть какое-то пятнышко.

- ...

- Посмотрите сюда... - Он показал мне один из снимков.

- Не вижу.

- Пятнышко незначительное. И неопасное. Неужели не видите?

- Да, действительно, вижу.

- Причин для беспокойства нет. Но все же лучше бы сделать МРТ.

- Что-что?

- МРТ. Чтобы получить более четкую картину, чем на рентгене. Это позволяет визуализировать опухоли, если они имеются.

- Опухоли? Почему?.. Вы думаете, у меня опухоль?

- Да нет. Я говорю вообще. Скорей всего, у вас просто соприкасаются два позвонка.

- Не очень-то вы, кажется, верите в такой диагноз.

- Ну что вы!

- ...

От этих слов, которые наложились на не стихающую двое суток боль, у меня подкосились ноги. Стало дурно. Я хотел прислониться к стене, но и она оказалась зыбкой. Рентгенолог послал стажерку принести воды, а сам подошел поближе и сказал:

- Послушайте... это самое обычное исследование. Оно позволит окончательно удостовериться, что у вас все в порядке...

- ...

- Как оно наверняка и есть...

Но уверенности в голосе я не услышал – просто он пошел на попятный, чтобы я не грохнулся в обморок у него в кабинете, а то он выбьется из графика и у него сорвется план трахнуть молоденькую практиканточку в обеденный перерыв. Я не сошел с ума. Что-то в этом докторе настораживало. Его манера не договаривать фразы, словно оставляя многоточия между словами, – все это неспроста, так говорят только те, кому есть что скрывать: скандальное прошлое, тайные мысли. Откуда в нем такая беспардонность? Разве можно так запросто бросаться словом “опухоль” и делать вид, будто это пустяки! Я спросил, когда нужно сделать эту МРТ.

- Чем раньше, тем лучше. Скорее... отделаетесь.

- Вы это честно говорите, или на самом деле это срочно, но вы не подаете виду?

- Честно. Чтобы вы скорее успокоились.

- ...

- Вы ничего не почувствуете. Это похоже на кабину солярия, – сказал он, поглядывая на практикантку – она вернулась со стаканом воды в руках.

Я оделся за ширмой. Этот тип меня будто контрастным душем окатывает. То говорит, что все прекрасно, то вдруг оказывается, что при этом необходимо новое исследование. Он тоже хочет “уточнить диагноз”. И он произнес слово “опухоль” – одно из самых жутких слов, какие мне известны[3 - Другие ненавистные: “заведовать”, “толика”, “результативный”, “бюджетник”, “хроникер”, “единокровный”, “пункция”, “сызнова”, “шершавый”]. Мне представлялось, что во мне сидит паук. Я еле справился с рубашкой. Каждую пуговицу застегивал по минуте. А выходя из кабинета, наткнулся на стажерку.

Она широко улыбнулась и сказала:

- Он всем рассказывает про солярий, чтобы снять напряжение.

- ...

- Понятно, что вы нервничаете. Когда болит спина, это очень изматывает.

Все это - не переставая улыбаться. Я попытался тоже улыбнуться, но у меня свело челюсть. Стало неловко за то, что я о ней плохо думал. Разумная, добрая, старательная девушка. Она пошла дальше, а я проводил ее взглядом и неожиданно залюбовался: до чего красивая спина.

8

Интенсивность боли: 8

Настроение: унылое

9

Я плелся еле-еле. Чувствовал себя так, словно меня прищемили дверями. Прежде чем уходить, мне захотелось зайти к тому доктору, который смотрел меня накануне. На счастье, он как раз проходил по коридору. Тут же спросил, как у меня дела, - вот это я понимаю! После меня он принял уже не один десяток пациентов, а помнит, будто мы только что расстались. Я пожаловался, что рентгенолог послал меня на МРТ. На секунду он показался удивленным, но как профессионал тотчас вернул лицу нормальное выражение. Да-да, все нормально. Главное, не беспокойтесь. Это высокочувствительный метод, который позволит установить абсолютно точный диагноз. Он на минутку задержался, чтобы меня приободрить, и рассказал, как проходит МРТ. Я моментально успокоился. И, хотя было неудобно задерживать его еще больше,

пожаловался, что боль никак не отпускает.

- Понимаю. Я выпишу вам обезболивающее. Это таблетки с кодеином. А если они не помогут, дам рецепт на морфин.

- ...

- Назначают еще кортизоновые инъекции, но я в них не верю.

У меня самого никакого мнения на этот счет не было. Я целиком полагался на доктора. Он выписал рецепт, и я от всей души поблагодарил его за внимание и любезность. Благодаря ему я немножко воспрянул духом и мог теперь заняться другими делами.

На улице я стал искать аптеку. Но ни одной поблизости от больницы не нашлось – странно! Вот ведь вокруг кладбища всегда полно цветочных магазинов. И только метров через двести аптека наконец обнаружилась. Меня обслуживала приветливая, но ужасно медлительная особа. Минут пять, не меньше, она разглядывала рецепт и рылась в компьютере, а потом еще столько же искала лекарство. А когда что-то болит, десять минут – это целая вечность. Вначале она мне понравилась, но теперь – придушил бы.

- У вас болит спина? – спросила она, пока я расплачивался.

- Да.

- Типичный случай. У всех теперь болит спина.

- Вот как...

- Пошла такая мода.

- ...

Я не знал, что ответить. У меня, значит, модная болезнь. Хотя какое-то утешение. Ну, и есть свои плюсы: моя хвороба – не сиротинушка какая-нибудь безвестная. К нашим услугам медицина развернула целый арсенал. Я попросил у аптекарши стакан воды запить таблетки и принял две штуки, не сходя с места. За мной успела выстроиться целая очередь, уходя, я слышал у себя за спиной неодобрительный шепот.

Что дальше? Идти на работу не было сил. У меня не хватит духу заглянуть в лицо несчастью. Да и зачем? Я никому не нужен, я изгой. И не уволен только потому, что мой проступок не имел губительных последствий. Меня, как говорится, “положили на полку”, и теперь мне предстоит там полеживать. Меня оставили еще и за прошлые заслуги – ведь до сих пор моя карьера развивалась безупречно. Я даже считал, что все меня ценят, за исключением, конечно, Гайара. Скажу, не хвалясь: я был хорошим сотрудником. Умел работать в группе, выслушивать каждого, умел вносить человеческую нотку в казенные отношения. Вчера, к концу рабочего дня, ко мне заглянул Одидер. Не тот взбешенный начальник, что после совещания метал в меня громы и молнии, а кто-то совсем другой, тихий и сдержанный. Я нутром почуял в нем протестантскую закваску. Этот прямой, корректный человек, с детства приученный жить по совести и справедливости, казалось, источал некую спокойную силу. Судя по тому, что он пришел в мой кабинет, он корил себя за то, что вспылал, пусть даже для ярости были все основания. Человеческие отношения важнее. Да и не пристало такому трезвому дипломату, важному должностному лицу орать, как скупому лавочнику.

– Все мы можем ошибиться, – заговорил он негромко, но твердо.

– ...

– Я знаю и ценю ваши способности. Возможно, вы просто переутомились.

– Скорее всего.

– И вы, надеюсь, понимаете, что в ближайшее время я не могу доверять вам ответственные задания.

– ...

– Но, думаю, в дальнейшем положение исправится, и мы обсудим планы на будущее.

Я даже растерялся от неожиданной милости Одибера. Тут бы воспользоваться моментом и рассказать, как меня подставили. Но что-то меня удержало. В глубине души я все же чувствовал свою вину. И оправданий мне не было. Не надо было полагаться на Гайара. Я должен был проверить документы, которые он мне давал. И нельзя сказать, что он действовал исподтишка – он никогда не скрывал, что считает меня своим соперником. Так что в значительной степени я подвел себя сам.

Сейчас, когда я шел по улице и вспоминал вчерашний разговор с шефом, мне вдруг стало ясно: то, что случилось, не сильно меня удивило. Как будто я всегда знал, что потерплю полный крах. Есть люди, совершенно уверенные, что их ждет успех, они полны самых смелых притязаний и знают, что рано или поздно добьются своего, – таковы все политики. Во мне же, кажется, всю жизнь работал обратный отсчет – от момента провала. Подсознательно я всегда ощущал себя на краю пропасти. А в последние годы это чувство стало еще острее; что-то во мне надломилось, и стало окончательно ясно: я не из породы победителей. Вчерашний день лишь подтвердил предчувствие, в котором я не в силах был признаться: такая жизнь мне в тягость.

Как ни странно, неприятности на работе не стали для меня страшным ударом. То есть я, конечно, расстроился, но не впал в отчаяние, поскольку и так был настроен на худшее. От этих мыслей меня отвлекла эсэмэска, пришедшая на телефон[4 - Благодаря этой технике мы все постоянно на связи друг с другом. Иногда я этому очень рад, а иногда воспринимаю как удавку на шее.] – Элиза спрашивала, что показал рентген. Я ответил, что все хорошо. Мне нравится такая письменная форма общения. Телефонные разговоры не для меня, я часто не знаю, что сказать, а повесить трубку – слишком грубо. Хорошо еще и то, что жена не могла меня слышать, а то почувствовала бы в голосе тревогу. Таблетки помогли, но это ничего не меняло: завтра надо идти на МРТ. Все, естественно, старались меня ободрить, однако беспокойство не отпускало. МРТ по пустякам не назначают. Больницы, как известно, перегружены. Лишних исследований теперь не проводят. Для этого нет средств, поэтому врачи проверяют главное и делают это в самых серьезных случаях. Я поглубже вдохнул, чтобы остановить кровавую ленту катастрофического сценария. Шагать, размеренно шагать, пока не успокоюсь, – ничего другого не оставалось. Как же давно я не видел наш

город вторничным утром. И вообще едва ли помнил, что бывают вторники. В офисной жизни дни сливались. Меня бросало то в жар, то в холод. Циклотимия разлилась по жилам. Мне начинала нравиться эта прогулка – бродить вот так вот в будний день по улицам, без всякой цели – красота! Я с восторгом разглядывал каждую мелочь, как будто все мне было в новинку. И только через некоторое время до меня доходило, что это обыденные вещи. Во мне проснулась пламенная страсть ко вторникам. Так можно полюбить только то, что чуть не потерял. Все вокруг казалось невыразимо прекрасным. Я сам себе напоминал героя “Смерти в Венеции”, разве что холеры не хватало.

И тогда я подумал об Эдуаре. В последнее время мы как-то отдалились друг от друга, но сейчас мне захотелось видеть именно его. Он был тем другом, с которым можно разделить хандру и ничего при этом не объяснять и даже вообще не рассказывать. Пешком до его кабинета пришлось идти целый час. В приемной было пусто. Я тихо сел и стал ждать. Он вышел через несколько минут и, увидев меня, без тени удивления спросил:

– У тебя болят зубы?

10

Интенсивность боли: 7

Настроение: фаталистическое

11

Нет, зубы у меня не болели. Нельзя, что ли, зайти к приятелю-стоматологу просто так, не страдая кариесом? Вот когда на лице Эдуара отразилось неподдельное удивление – значит, мои друзья считают меня напрочь лишенным способности к неожиданным поступкам. Натура, значит, у меня неартистичная настолько, что я уж не могу и забежать к товарищу без особого повода. Что ж, я

действительно люблю планировать, расписывать, намечать все заранее.

- Страшно рад тебя видеть, - сказал Эдуар. - Тем более мадам Гарриш так кстати отменила свой визит. У нас куча времени. Я свободен до четырнадцати сорока пяти.

- Вот и отлично.

- Можем сходить в итальянский ресторанчик на углу. Там очень вкусное тирамису, вот увидишь.

- ...

- Или ты предпочитаешь "Плавучий остров"? [5 - "Плавучий остров" - десерт из белкового суфле и заварного крема. (Прим. перев.)] Но перед тем как идти в ресторан, ему непременно хотелось похвастаться своим приобретением - новейшим суперкомфортабельным зубоврачебным креслом.

- Смотри, какие мягкие подлокотники - пациент может положить сюда руки.

- Да...

- А это облегчает боль. Вроде бы пустяки, но так пациент расслабляется процентов на десять больше, чем обычно.

- Да?

- А подставка для ног, погляди... высота регулируется. Как в Эр-Франс в первом классе.

- ...

- Вот погоди, еще немного - и визит к стоматологу станет сплошным удовольствием.

Тут уж я промолчал. Да Эдуар и сам, похоже, понял, что хватил лишку. Впрочем, для стоматолога такая любовь к своему ремеслу и такая забота о пациентах весьма похвальна. Его профессиональный пыл не мог меня не тронуть, так что я, поначалу равнодушный к его драгоценному креслу, невольно заинтересовался. И даже задал несколько вопросов. Эдуар просиял, и мы еще довольно долго, как фанатичные креслопоклонники, созерцали это чудо техники.

На полпути в ресторан Эдуар вдруг остановился:

- Но... ты что, сегодня не работаешь?

- Взял день отгула.

- А-а... понятно... - сказал он, помрачнев. - Надеюсь, ничего серьезного?

- ...

- Ты что-то хочешь мне сказать?

- Да нет.

- Являешься без предупреждения и хочешь, чтобы я поверил, будто ты ничего не собирался мне сказать?

- Но так и есть - ничего! Просто взял и заглянул к тебе. Как раньше.

- Но ты и раньше так не делал.

- Тогда допустим, я решил начать.

Это правда. Я никогда не заходил к нему вот так - ни с того ни с сего. Наша дружба носила характер строго размеченной пунктирной линии, и было неизвестно, к чему приведет моя попытка отклониться в сторону: сможем ли мы дружить в не отведенных для приятельского общения обстоятельствах. У Эдуара, как и у меня, все в жизни развивалось предсказуемо. У него даже был свой постоянный столик в ресторане. Поражаюсь людям, которые любят обставлять свой быт такими указателями. Лично мне было бы неприятно

появляться там, где меня легко найти и опознать, ведь это значит, что придется разговаривать, а я не всегда готов к изящному трепу. Хотя вряд ли кто-нибудь догадывается, что я чураюсь устойчивых привычек из робости. В этом смысле Эдуар – полная противоположность мне: он обожает, чтобы его узнавали, обращали на него внимание, выказывали уважение. С хозяином ресторана он был на ты. “Как дела? – А у тебя?” – приветствовали они друг друга. За обменом любезностями следовала краткая, не дольше минуты беседа – общие слова о политике, о погоде, – этакое скоропалительное словоизвержение; и все завершалось заказом. Впрочем, в этом неизменном ритуале оставалась незаполненная ячейка, предназначалась она блюду дня. Варианты чередовались, снабжая организм завсегдатая ежедневной толикой адреналина. “Ну, что у нас сегодня?” – спрашивал Эдуар, и в глазах его загорался азартный огонек.

Думаю, Эдуар частенько заглядывал сюда и в одиночку. Так и представляю себе: вот он сидит, поедает фрикадельки и листает финансовые хроники в “Фигаро”. Газета ему нужна, чтобы создавать имидж солидного бизнесмена, озабоченного финансовыми вопросами, тогда как на самом деле ему было в высшей степени плевать на биржевые фортели. И верно, каждый раз он пялился на соседок – трех дам, судя по всему, тоже постоянных клиенток. Они же наверняка каждый день перемывали косточки сослуживцам, – в ресторанах, где кормят по талонам, ничего никогда не меняется. Первая дама выбирала вслух и, готов поспорить, начинала со слов: “Что бы такое взять сегодня... может, пиццу или пасту?” А чуть погодя отметала искушение: “Нет, это вредно. Лучше салатик”. В подругах тоже просыпался стыд, и они по ее примеру тоже заказывали салатки – ни пасты, ни пиццы никому не доставалось, и так каждый день. Да я и сам не раз терялся в лабиринте гастрономического выбора. Никогда не знаешь, что заказать, ведь, выбирая что-то одно, убиваешь все прочие варианты. Ресторанное меню – лучшая метафора всех наших жизненных метаний. Три женщины ели салат, мечтая об эскалопе по-милански. Какое-то время спустя они бросят салат и начнут новый роман с лазаньей. Но и тут их ждет разочарование: лазанья тоже приедается.

Эдуар тоже наблюдал за тремя подругами. Может, когда-нибудь он рискнет с ними познакомиться. Хотя заговорить с женщиной просто так, ни с того ни с сего, довольно трудно. Кто на это способен? У кого найдутся подходящие слова, чтобы достигнуть цели и не показаться бабником самого низкого пошиба? Вот если бы у них были проблемы с зубами! – должно быть, мечтал Эдуар. И

неожиданно сказал, что был бы не прочь на минуточку сбегать налево – а то в жизни не хватает остроты.

– Подать вам к пицце острой подливки? – спросил официант.

– Нет-нет, спасибо.

Мы заказали по пицце “четыре сыра”. Не думал, что смогу есть, но, похоже, желудок мой не желал прислушиваться к больной спине и перешел на автономный режим. Эдуар меня удивил. Заглядываться на посторонних женщин – это еще ладно, но связь на стороне... Выходит, он, так любящий свою жену, тем не менее хотел бы завести интрижку? Наверное, ему просто нужно было высказать вслух это желание, чтобы оно не стало навязчивым. Ведь слова в какой-то мере заменяют действия. Я прекрасно знал, что изменять жене он не станет, он и сам это знал, потому и говорил об этом так легко.

– Как там Сильви? – спросил я.

– Отлично. Много работает. Выложились до предела, пока готовила последнюю большую выставку. Зашел бы как-нибудь к ней в мастерскую посмотреть. Ей будет приятно.

– Да-да, я ей обещал.

– ...

– А как у вас с ней?

– То есть?

– Ну, как вы ладите?

– Почему ты спрашиваешь?

– Да не знаю... Супружеская жизнь – нелегкая штука, а у вас, как ни посмотришь, все как будто хорошо.

- А что, у вас с Элизой что-нибудь не так?

- Да нет, все нормально. Может, не совсем так, как прежде...сам понимаешь, время идет...

- Представь себе, у нас такого нет. Просто чудо!

Он наклонился и шепотом сказал:

- Смешно, конечно, но... этой ночью мы с ней три раза... понимаешь? Двадцать лет живем вместе, а вот поди ж ты!

- Так это замечательно!

- Ну а у вас-то? Теперь, когда дети разъехались, все должно образоваться?

Странное рассуждение. Как будто если уехали дети, то на освободившемся месте должна заново расцвести эротика? Да ничего их отъезд не изменил. Даже хуже стало. Наплыв событий выбил нас из колеи - сын и дочь покинули дом почти одновременно. В конце лета Алиса объявила, что переезжает к Мишелю, своему жениху. Он старше ее на двенадцать лет, и я его почти не знал. К тому времени они были знакомы месяца два-три, и то, что поначалу казалось просто увлечением, очень быстро превратилось в прочный союз. Алиса, верно, обиделась на меня за то, что я отнесся к ее решению без особого восторга. И так ни разу и не наведаясь к ним, хотя давал ей вялые обещания. Это было выше моих сил. Слишком быстро и резко все произошло. Дочь не должна расставаться с отцом так внезапно, нет бы все постепенно, как у людей.

Беда, как известно, не приходит одна, и вскоре огорошил сын - сказал, что едет учиться в Америку. В Нью-Йорк, на целый год. Круглый отличник, он получил стипендию, а нас даже не поставил в известность, что подавал запрос. Любой другой отец был бы только горд, но для меня, сразу после ухода дочери, это оказалось ударом. И не только для меня - для жены тоже. Недели не прошло - и мы с ней остались вдвоем. Сыну пошел восемнадцатый год. Два года назад ему было пятнадцать, а еще три года назад - всего двенадцать. Но сколько бы я ни крутил в голове цифры - хоть вперед, хоть назад, суть не менялась: сын

повзрослел со страшной быстротой. Нет, отъезд детей не запустил нас на новый виток супружеской любви. Хорошей встряской, резкой переменой стал – это да, – переменой, к которой мы были совершенно не готовы, и она не взбодрила, а, наоборот, пришибла нас.

Эдуар почувствовал, что затронул деликатную тему, и перевел разговор в другое русло – спросил, как моя спина. Минуту я поколебался – сказать ли ему всю правду. Но надо же мне было выговориться хоть перед кем-нибудь. В конце концов, не за тем ли я к нему пришел? И я поведал все: как долго – неизвестно почему – меня держали на рентгене и как потом направили на МРТ.

– На МРТ?

– Правда странно?

– Да нет... просто хотят исследовать получше.

– Как ты думаешь, это что-то серьезное?

– Не знаю, я не видел снимков. Но МРТ – обычное дело, нет причин для тревоги.

– Но наверняка же он увидел что-то подозрительное, иначе зачем бы...

– Пока что беспокоиться не стоит. А спина не проходит?

– То и дело сводит.

– Можно на иглоукалывание походить. Говорят, помогает.

– Ну уж нет! Чтобы в меня втыкали иголки... лучше умереть!

– Тогда к остеопату. Могу, если хочешь, порекомендовать толкового специалиста.

– ...

- Да ладно, не хандри! Завтра пройдешь МРТ, и все будет хорошо. Иногда ребята на этом просто зарабатывают - назначают дополнительные исследования... чем дороже, тем больше им капает.

- ...

- Может, не надо говорить, но я и сам, бывает... ну... посылаю пациентов на рентген, хоть знаю, что он ничего не покажет... Медицина - это тоже коммерция.

- Думаешь, моя МРТ из этой оперы? Какая подлость - так играть на человеческих нервах!

- Не утверждаю, но может быть и так.

- Ну да, повесить мне на спину что угодно... - Я сказал это машинально, не замечая каламбура. А Эдуар расхохотался. Но что-то слишком громко, как будто беспокоился за друга, но хотел утаить это беспокойство.

Пока мы обедали, я несколько раз пытался заговорить о чем-нибудь другом, но никак не мог выкинуть из головы сомнения насчет МРТ. На вопросы Эдуара отвечал механически. Он настойчиво предлагал мне заказать десерт, и я обнаружил перед собой "Плавучий остров". Мне как будто подставили зеркало - размазня на тарелке в точности соответствовала моему душевному состоянию, только еще и с сахарком. И тут Эдуар спросил:

- Знаешь, что пошло бы нам с тобой на пользу?

- Нет.

- Махнуть на выходные куда-нибудь вдвоем. Честно говоря, мне очень не помешало бы чуток расслабиться.

- Хорошая идея.

- В Женеву, например. Ты же любишь Швейцарию?

- Да, но я столько раз бывал там по работе. Лучше куда-нибудь еще.
- Ну, давай в Барселону. Барселона – это сказка!
- В Испанию мы ездили прошлым летом с детьми.
- Ах да... Тогда, может, в Россию? Уикенд в Петербурге, а? Там, говорят, самые красивые девушки в мире.
- ...
- Сходим в дом-музей Достоевского!

Это меня изумило. Уж сколько лет мы с Эдуаром не говорили о литературе. Вот что значит старая дружба – она пропитана мифами начальной поры. Достоевский – весточка из молодости, когда мне было двадцать лет и я страшно увлекался русским безумием и психическими расстройствами. Предложение посетить дом-музей великого русского писателя на двадцать лет отстало от моих вкусов. Но это было даже трогательно. Эдуар обращался ко мне давнишнему – такому, каким я себе нравился больше всего. Теперь я так далек от всякой словесности. Несколько месяцев не брал в руки книгу. Последний раз вроде бы читал свежего Гонкура... да и то не уверен. Купить купил – точно помню, но, кажется, ни строчки не осилил. В последнее время все как-то плохо запоминается. Не то что книги, прочитанные в молодости, – сколько лет прошло, а они помнятся во всех подробностях. Я и сейчас могу ясно услышать, как дышит над ухом Раскольников. Время не властно над нашими первыми впечатлениями, даже если они запылились от долгого хранения в памяти. Поразмыслив минуту, я согласился: мысль превосходная. Почему бы нет! Внезапное решение наполнило меня радостью. За последние годы я позволял себе так мало удовольствий; плюнуть на все и отправиться путешествовать с другом – это действительно было бы неплохо. И у меня появится точка света впереди, стимул, чтобы не сломаться, преодолеть боль. Нам будет так хорошо, выпьем водки, да и итальянские рестораны там наверно тоже есть.

Интенсивность боли: 7

Настроение: русское

После этого обеда мне здорово полегчало. О неприятностях на работе я и не вспоминал. Потихоньку учился отстраняться. Сослуживцы думали, что меня нет в офисе, потому что мне слишком тяжело, а я преспокойно гулял по Парижу. Боль была вполне терпимой. Во всяком случае, гулять она мне не мешала (не то что какой-нибудь радикулит или межпозвоночная грыжа). Я прошелся вдоль Сены, полистал книги на лотках букинистов. Остановился на некоторых именах, будто вынырнувших из далекого прошлого: Лотреамон, Мишо, Герен. Купил пару книжек и в придачу путеводитель по Санкт-Петербургу. Мысль об этой вылазке нравилась мне все больше, радовала душу. Не считая семейных поездок в Испанию и нескольких служебных командировок, я за последние годы практически не покидал Францию. Летом мы обычно ездили в Бретань, к родителям Элизы. Там было весело детям – они встречались со старыми друзьями. Но теперь это не имело смысла. Дети с нами больше никуда не поедут. Ничего не поделаешь – что было, то прошло.

Не могу сказать, чтобы я по-настоящему любил родителей Элизы, но питал к ним уважение. Я так долго лелеял фантазию об идиллической второй семье, где меня примут как родного, и я смогу наконец установить с миром какой-никакой эмоциональный контакт. Однако и через много лет наши отношения оставались не более чем просто теплыми: то было приятное, умеренное тепло на швейцарский лад. Они платили мне уважением – не больше и не меньше. Мне, может, хотелось бы чего-то другого: душевных порывов, ласковых слов, – но до этого дело не доходило, меня держали на расстоянии. Во всяком случае, так это виделось мне. А Элиза говорила: “Мои родители любят тебя так же, как любят меня”. Я изо всех сил старался быть образцовым зятем. И это рвение так бросалось в глаза, что однажды теща сказала Элизе: “Твоего мужа, видно, мало

любили в детстве”. Я желал невозможного: восполнить изначальный дефицит родительской любви.

Элиза, как все девушки, которые были у меня прежде, обожала отца. Собственно, до нее только одна и была [б - Нина. Интересно, кем она в итоге стала: флористкой, юристкой, галеристкой?]. Наверно, мне такие нравятся – папенькины дочки. Ведь я воочию видел того, кто представляется им идеальным мужчиной, а потому, не пытаюсь с ним сравняться, мог лучше их понять. Отец Элизы всегда внушал мне почтение. Видный, блестящий, наделенный к тому же прекрасным чувством юмора. Он преподавал историю в Реннском университете, был известен по множеству публикаций и выступлений (с самим Миланом Кундерой общался!). Оглядываясь назад, я подозреваю, что именно из-за него отказался от мысли написать исторический роман, которую вынашивал несколько лет. Было страшно подумать, что скажет обо мне этот человек, перед которым я преклонялся. Я ему как будто нравился, так зачем рисковать драгоценной благосклонностью. По воскресеньям, за семейными обедами, я предпочитал сидеть молча и не вступать с ним в спор. Если же он сам спрашивал моего мнения по тому или другому поводу, старался высказаться не совсем так, как он, и показать, какой я независимый и умный, но в целом соглашался с ним, не покушаясь на его авторитет. Сбалансированная дозировка самостоятельности и подхалимажа укрепляла мир в семье. К тому же не страдали отношения с женой, которая всегда и во всем была на стороне отца. Он с нетерпением дожидался, когда можно будет уйти на покой, и говорил, что вот тогда-то сможет наконец дописать свою книгу. Над этой книгой о Пражской весне он работал уже много лет – собирал материалы о том, как готовилось советское вторжение. Помню, часто ездил в бывшую Чехословакию, – так и вижу его с дипломатом в руке и с кривоватой улыбочкой на губах. По лицу было видно, насколько он захвачен этой работой. По случаю его выхода на пенсию (и одновременно шестидесятилетия) в их доме был устроен пышный праздник. Вот что значит слава, с завистью думал я, глядя, сколько собралось народу – дай-то бог, чтобы на мой юбилей пришло столько же! В ближайшие годы эта популярность могла самым обидным образом сойти на нет. Но тут он заболел. Совершенно внезапно, не прошло и нескольких месяцев. И с самого начала ему поставили беспощадный, как приговор, диагноз: рак. Родные были потрясены. Элиза просыпалась по ночам и рыдала: “Не может быть! За что ему такое!” И я не знал, чем ее утешить. Врачи практически не оставляли надежды. Потом я вспомнил пример Франсуа Миттерана. Вот кто всю жизнь неистово боролся за то, чтобы стать президентом, но не успел прийти к власти, как у него нашли рак. Давали полгода жизни, не больше. Все шло к тому, чтобы его президентство

стало самым коротким за всю историю Пятой республики. Так нет же! Он решил бороться, не сдаваться, победить судьбу. Так все и вышло. Он скрутил болезнь в бараний рог. В 1988 году был даже избран на второй срок и умер через несколько месяцев после истечения этого нового мандата. Пока же оставался на посту, запретил себе умирать. Я напомнил эту историю Элизе, для поднятия духа. Ее отец должен написать книгу, такова его миссия, и он не может уйти, не исполнив ее. При таком мощном стимуле он, я уверен, одолеет болезнь.

И я оказался прав. Отец Элизы прошел длительную химиотерапию, то были месяцы боли и мучительных ожиданий для него и его близких, но в конце концов он выжил. Это было чудо. Пережитое его преобразило, он буквально стал другим человеком. Да, он выздоровел, уцелел, но потерял в борьбе со смертью много сил. Раньше в семейных застольных беседах ему безраздельно принадлежала первая и главная роль, теперь же он подолгу сидел молча, с отрешенным, отсутствующим видом. Однако мало-помалу все-таки пришел в себя. К вящей радости окружающих. Счастливая Элиза сжимала отца в объятиях. Прошло еще несколько месяцев, мы почти забыли обо всем, что с ним произошло, и не переставали восхищаться тем, что он остался с нами.

Вот почему я не хотел говорить Элизе про МРТ. Официально у меня еще не признали никакой болезни. Но если это случится, я бы хотел побережь жену, не тревожить ее. Так что, когда она пришла домой и спросила, как моя спина, я ответил – все хорошо. Помню, даже сказал: “Мне лучше”.

14

Интенсивность боли: 5

Настроение: боевое

15

Но лучше-то мне не стало. Всю ночь я терзался страхом. Мрачные мысли сменяли друг друга, как караульные на посту. Никогда прежде я не задумывался о смерти. Наоборот – всегда был уверен, что буду жить долго. Собственно говоря, я так давно уже чувствовал себя постаревшим, что дожидался настоящей старости как благодатного времени, когда дух и тело наконец придут в гармонию друг с другом. Быть стариком – мое призвание, и ничто не должно было ему воспрепятствовать. Как вдруг условия задачи резко поменялись. И я впервые допустил, что жизнь моя может неожиданно оборваться.

– Ты не спишь? – прошелестела Элиза.

– Сплю, – буркнул я вопреки всякой логике.

Да, я боялся умереть. Что действительно стоящего успел я сделать? Снова и снова я прокручивал в голове всю свою жизнь – ничего! Дети? Да, конечно. Но что нас связывает? Сын живет в Нью-Йорке, мы разговариваем с ним по скайпу раз в три дня. Виртуальное общение. Я столько раз прижимал к себе своего мальчика, а теперь вижу его только на экране. И даже не знаю, что он делал сегодня, вчера, позавчера. Дети – как книги, которые мы сочинили, но которые с какого-то момента пишутся помимо нас.

А дочь... моя принцесса, жемчужина моего царства, по которой я схожу с ума.... Ничего как будто бы не изменилось. Мы часто друг другу звоним, посылаем эсэмэски, иногда она еще зовет меня папочкой. Но с тех пор, как она живет с Мишелем, все стало как-то не так. Даже сейчас, ночью, меня бесило само его имя. Я тут лежу умираю, а он меня бесит. С какой стати он зовется Мишелем! Такое имя подходит для коллеги – у меня полно сослуживцев Мишелей, но чтобы моя дочь жила с человеком, которого зовут как сослуживца, – не должно такого быть.

– Мишель так Мишель, не все ли равно, как его зовут! – говорила жена.

– Совсем не все равно!

– Да что ты уперся! Никогда тебя таким не видела. Твоя дочь стала взрослой женщиной, с этим надо смириться.

– Я и смирился.

– Нет. Ты прицепился к имени, но это только предлог. Имя человека – входная дверь к нему.

– Входная дверь?..

– Ну да! А ты не хочешь заходить.

Отчасти Элиза была права. Но и меня можно понять. Я не успел свыкнуться с новым положением. Все произошло так стремительно. Чтобы смириться с мыслью, что дочь – моя родная девочка! – уходит, нужно время, пусть не сто лет, но хоть месяц-другой. Ну не мог я, не мог принять их отношения, хоть понимал, что это глупо. И ничего не мог с собой поделаться – разлука с дочерью было невыносима. Мне всегда казалось, что мы с ней так прочно, чтобы не сказать неразрывно, связаны, и какой же хрупкой оказалась эта связь. Она почти разрушилась. Мы столько сил вложили в воспитание дочери, а в конечном счете, спрашивается, зачем? Смысл жизни постепенно утекал.

С уходом детей я все яснее видел никчемность своего существования. Они жили своей жизнью, и я вовсе не был уверен, что как-то прорастаю в них. Что я им передал? Да ничего. Я силился припомнить хоть что-нибудь... Думал-думал, пока не нашел: я научил их присматриваться к другим людям. Все время повторял: “Надо интересоваться другими”. И то хорошо. Но самому-то мне другие интересны? Все меньше и меньше. А если учишь одному, а поступаешь иначе, грош цена твоей науке. Что еще? Интерес к книгам? Я давно перестал читать. Внимание к старикам? Я не выношу своих родителей. Так что же? Что вообще они думают обо мне, о моих убеждениях, о том, какой я отец? Я пустое место. И с моей смертью для них, в общем-то, мало что изменится. Конечно, бессонница прибавляла мрачности моим мыслям, но они были не так уж далеки от истины. Я ничего после себя не оставляю. Никаких следов – словно прокатился по жизни на коньках.

Мне на ум приходили великие мастера, которые успели изменить мир, хотя умерли молодыми. Франц Шуберт прожил тридцать один год. Вольфганг Амадей Моцарт – тридцать пять. Не говоря уж о Джоне Ленноне. Можно перебирать имена до утра, а чтобы перечислить проекты, в которых я принимал участие, хватит пяти минут. Башня Ламартина в Кретейе. Музей Жака Превера в Туре. Лицей имени Ромена Гари в Ницце... М-да... о профессиональном вкладе лучше не думать. А тогда о чем? О нас с Элизой? Что ж, я мог бы составить список

наших лучших вечеров, прекраснейших прогулок, мысленную антологию счастливых минут. Бывало, я бежал на встречу с ней, бывало, часами лежал, дожидаясь ее, в супружеской постели или сидел в кино с нею рядом. Знали мы всякие позы. Но выбрать что-то одно я никак не мог. Всмотривался в нашу любовь, как в горизонт, не останавливаясь ни на чем. Взгляд терялся в житейских мелочах, и даже любовные признания не удержались в памяти. Элиза тут, рядом со мной, мне захотелось ее разбудить. Сказать, что она – любовь всей моей жизни, что она нужна мне всегда и будет нужна до последнего дня. Но я не шелохнулся и будить ее не стал – она спокойно спала и ничего не знала о моих терзаниях.

После великих творцов я подумал о других людях, чьи судьбы искалечила болезнь. И почему-то сосредоточился на Патрике Руа[7 - Патрик Руа (1952–1993) – популярный французский теле- и радиоведущий, умер от рака костей. (Прим. перев.)]. Есть вещи, которые навсегда западают в душу, меж тем как все о них давно забыли. Я вспомнил, как кто-то из его родных говорил в интервью, что его болезнь началась с боли в спине. Я люблю телевизионные игры. Когда дети были помладше, мы старались не пропускать “Вопросы на засыпку” или “Кто хочет стать миллионером?”. В начале девяностых Патрик Руа был восходящей звездой канала TF1. Блестящий, энергичный, обаятельный – с таким телеведущим было бы приятно посидеть в ресторане. На вид славный малый, со смешинкой в глазах. Таких ребят, как он, которые нравились бы чуть ли не всем на свете, очень мало. Тогда каналов было меньше, чем сейчас, и TF1 регулярно замерял рейтинги ведущих среди пятнадцати миллионов зрителей. С Патриком Руа никто не мог сравниться. Не знаю, как он пришел на телевидение, по-моему, с Радио Монте-Карло. Взлет его был стремительным. Особенно благодаря игре “Золотая семья”. Там соревновались две семьи – старались угадать, какие ответы на разные вопросы даст большинство опрошенных людей. То есть надо было научиться думать, как думают другие. Бывали ответы смешные, нелепые, какие-то семьи ругались, какие-то впадали в истерику, когда начинали выигрывать. Такие передачи мне не очень-то по вкусу, я предпочитаю что-нибудь на эрудицию, но эту смотрел – из-за Патрика Руа. Уж очень он был хорош. А потом его вдруг заменили на Филиппа Ризоли. Ризоли тогда вел “Миллионера” – где игроки вращают колесо в надежде выиграть миллион, а публика подстегивает их криками: “Миллион! Миллион!” Когда кто-то выигрывал всего сто тысяч франков, это было, конечно, обидно, но полагалось говорить: “Это тоже хорошая сумма!” Ризоли был отличным ведущим. Тоже таким простецким парнем, но еще и с налетом рок-музыканта (раньше он вел на Canal+ передачу StarQuizz, – к сожалению, ее закрыли). Этаким телеэкранный Филипп Лавиль[8 - Филипп Лавиль (род. в 1949) – французский певец. (Прим. перев.)].

Словом, в один прекрасный день он появился в “Золотой семье”. Никто не понимал, в чем дело. Поползли самые невероятные слухи. Но вскоре выяснилась правда. Патрик Руа серьезно заболел. И сгорел за несколько месяцев. Помню, как его хоронили. Гроб несли коллеги, ведущие других программ. Жан-Пьер Фуко (“Славный вечерок”), Кристиан Морен (“Колесо Фортуны”). Эта смерть наделала много шума. Несколько дней только о ней и говорили. Публика хотела знать все детали трагически прервавшейся жизни. Появились интервью с его последней подругой, хотя я могу и ошибаться – дело давнее. Но родителей его я точно видел по телевизору, а потом, позже, они даже написали и опубликовали книгу, посвященную памяти сына. Ясно помню их лица... и вот о них, о родителях Патрика Руа, я думал ночью, в постели, рядом со спящей женой.

16

Интенсивность боли – 8

Настроение: похоронное

17

Утром я все твердил, что мне лучше. А мой убитый вид Элиза, кажется, не замечала. Зато, когда я сказал, что хочу позвонить своим родителям, она удивилась:

– Да?

– Да. Если ты не против, позову их в гости сегодня вечером.

– ...

– Так ты согласна?

- Ты уверен, что это хорошая идея?

- А что? Наверняка им будет приятно посмотреть наш дом и сад.

Реакция жены лишней раз показала, какая пропасть пролегла между родителями и мной. Чтобы я их приглашал к себе – такого никогда не бывало. Всегда предпочитал навещать их сам. Безопасности ради – так я мог уйти, когда захочу. Если же придут в гости они, все сложнее: чего доброго, мать начнет совать всюду свой нос, делать замечания. Да и бывал-то я у родителей всего несколько раз в год. Исключительно по торжественным случаям: по праздникам и дням рождения. А тут вдруг приглашаю их без всякого повода, ни тебе дня рождения, ничего... немудрено, что Элиза удивилась.

- Уверена, что ничего хорошего не выйдет, – сказала она.

- Зачем ты так говоришь? В кои-то веки я делаю шаг им навстречу, так поддержи меня.

- Я давно не вмешиваюсь в твои отношения с родителями... но каждый раз, как мы у них бываем, ты возвращаешься злой. А что будет у нас, подумать страшно.

- Но я хочу их видеть, вот и все.

- Ну хорошо, хорошо. В конце концов, это твои родители.

Разумеется, Элиза была права. Скорее всего, ничего хорошего не выйдет. Скажи я отцу, что скоро умру, он вполне может ответить: “Ты в своем репертуаре! Уж не знаешь, что выдумать, лишь бы все вокруг тебя плясали!”

Я заперся в душе. Хоть тут можно было не притворяться, что у меня ничего не болит, и корчиться, пока жена не видит. Я направил душ на поясницу – надеялся, что водяной массаж поможет. Ничуть – только еще больнее. Я вылез, вытерся и посмотрел на больное место в зеркало. Ничего особенного не наблюдалось. Вражья сила коварно притаилась внутри. Рубашку я надевал осторожно, следя, чтобы ткань не прикасалась к коже. Как при ожоге. Элиза остановила меня на пороге:

– Как, ты не выпьешь кофе?

– Нет, я опаздываю. У нас сегодня встреча с китайцами.

– Я думала, с японцами.

– Ну да. С теми и другими. Там половина китайцев, половина японцев.

– ...

– И даже пара корейцев в придачу.

Чтобы не завратиться окончательно, я выскочил из дому, не дожидаясь, что ответит Элиза. И уже с улицы увидел: жена машет мне на прощание рукой из окна. Никогда раньше такого не бывало. Наверное, подумала: “Что-то с ним сегодня не так”. Что ж, верно. Все не так. Я старался делать бодрый вид, но моя лодка дала течь. Вроде бы все у меня было слава богу, и вдруг все-все разом пошло прахом: я болен, одинок, меня крупно приложили на работе. Я попытался улыбнуться Элизе, но получилось не очень. Залез в машину и почувствовал облегчение, как под душем – никто на меня не смотрит.

Конечно же Элиза трогательно помахала мне в окно из самых добрых побуждений, но в ее жесте не было любви. Эта картинка – Элиза с поднятой рукой – стояла у меня перед глазами всю дорогу в больницу. “Пока, пока”... Так провожают случайного гостя. С заученной, лишенной живого чувства любезностью. Жест постороннего человека, думал я, с каждой минутой все больше уверяясь в этой мысли. Одно и то же прокручивалось в мозгу снова и снова: вот она отодвинула занавеску, поднесла руку, раскрыла ладонь и несколько секунд медленно водила ею справа налево, слева направо. Но я не узнавал в этой женщине свою жену. Не знаю, как объяснить, но то была не она. Вот так, в один миг можно испытать головокружительную гамму чувств. Любовь вдруг растворяется, и в душе проявляется новая правда.

Интенсивность боли: 8

Настроение: шизофреническое

19

Третье утро подряд оказывался я больничной приемной. И мне уже хотелось, как второогоднику в начале учебного года, подбадривать новичков: “Все будет хорошо, здесь прекрасно лечат”. Я выглядел тут страдальцем со стажем. Накануне я сознательно не стал искать в интернете информацию об МРТ. Не хотел еще больше запугивать себя рассказами, какую у кого обнаружили опухоль. За две минуты таких ужасов начитаешься! Никто ведь не будет оставлять сообщение в медицинских форумах, чтобы похвастаться отменным здоровьем. Здесь каждый изливает свои жалобы, как будто интернет и впрямь дает возможность поделиться своей болью. Одни выкладывают фотографии гангрены, другие в деталях описывают агонию. Такие результаты принесли современные технологии, вместо того чтобы, наоборот, помочь людям поддержать друг друга, сплотить их в борьбе с болезнью. Мои мысли прервал крик в коридоре. За ним последовали новые вопли. Настолько дикие, что было трудно понять, кто кричал – мужчина или женщина. Все, включая меня, посмотрели в ту сторону, откуда доносился крик. Я даже привстал, чтобы разглядеть, что происходит. В глубине коридора двое санитаров внесли в одну из дверей женщину на носилках. Всего несколько секунд я был свидетелем ее мук. Мы постоянно видим чьи-то страдания, но очень редко они достигают такой акустической силы. Я ничего не знал об этой женщине: кто она, что у нее болит. Только я успел сесть на место, как услышал свое имя. Меня вызывали. Я зашел в кабинет, и чужую боль заглушила моя собственная.

Меня принял тот же врач, и он все делал точно так же, как в прошлый раз. Двигался, как заводная кукла, – каждое движение повторялось с точностью до миллиметра. Я не раз замечал за врачами такое ритуальное поведение, гарантирующее надежное однообразие. Возможно, оно служит своего рода успокоительным средством. Этот человек не подвержен всеобщей изменчивости, подумает пациент, в его руках мне ничего не грозит. Только стажерки в то утро не было, и я ощутил легкую досаду. Должно быть, практика у нее не каждый день, поэтому весь крестный путь она со мной не пройдет.

- Болит все так же? – спросил врач.
- Да. Всю ночь не спал.
- В каком положении вам удобнее всего?
- Стоя.
- Ходите нормально?
- При ходьбе даже лучше становится.
- Ну-с, давайте во всем этом разбираться.

Теперь любой разговор, имеющий отношение к моей персоне, сводился к спине. Говорили только и исключительно об этой части моего тела. Верно, ей надоело, что прежде ею никто не интересовался, и она привлекла к себе внимание таким вот сокрушительным образом. Заявила о себе громче некуда, учинила мне революцию. Иной раз я уж и не знал, что отвечать. Все так же ли болело? Когда больше всего? Легче ли при ходьбе? Надеюсь, я отвечал не слишком плохо. То есть не направил доктора по ложному следу. Что болело почти непрерывно, это я точно знал, но судить, насколько сильна боль, определять, куда отдается, отчитываться за каждый позвонок был не в состоянии. И наконец, совершенно запутавшись, стал раздеваться.

Когда я остался в одних трусах, врач спросил:

- А пижаму вы с собой не взяли?
- Э-э... нет.
- Медсестра при записи вас не предупредила?
- Нет, ничего не сказала.

- Процедура продлится с полчаса, а лежать придется на холодном. В пижаме удобнее, я всегда рекомендую пациентам...

- ...

- У нас тут есть несколько пижам - если хотите, можете воспользоваться.

Он указал на плетеную корзину, в которой, как в общей могиле, покоились тряпичные останки - мне предлагалось подобрать себе из них наряд к лицу. Какая дичь! Не лягу же я на МРТ в полосатой пижаме! А вдруг это пижамы ныне покойных пациентов? Однако следовало поторопиться - терпение доктора явно подходило к концу. Что ж, я остановил выбор на наименее дурацком варианте - пижаме голубого, бледно-бледно голубого цвета. Почти что белого... И лег в ней на стол. Надо признать, пижама пригodiлась - поверхность была ледяной. Медицина шагала вперед семимильными шагами, но об удобстве пациентов не задумывалась. Лежа на спине, я медленно покатился вперед и заехал в большую трубу. Чувство было на редкость неприятное. Будто в какой-то помеси лифта, самолета и материнской утробы.

- Сейчас приступим. Помните - я вас слышу, если что не так, говорите!

- Что именно не так?

- Ну мало ли... в общем, я тут.

Каждый раз, как этот эскулап открывал рот, у меня создавалось впечатление, что он что-то от меня скрывает, что-то знает и не хочет разглашать. Это началось еще вчера, с упоминания о пятнышке. И как я мог при таких зловещих признаках весь день сохранять надежду!

- Вы слышите меня?

- Да-да... как будто...

По правде говоря, я слышал еле-еле. Аппарат ужасно гудел. Кого-то, может, это убаюкивало, кто-то, может, засыпал, но только не я. Меня душила тревога. Я старался сдерживать ее, дышать нормально, но получалось плохо и недолго.

Минута – и опять захлестывала паника. Изматывающая синусоида, американские горки. Интересно, всех пациентов бросает вот так то в жар, то в холод? И уж точно все мучаются одиночеством. Есть кто-то рядом или нет, ты все равно один на один с болезнью, и свет сходится клином на твоей несчастной плоти. Альбер Коэн сказал: “Человек одинок, никому ни до кого нет дела, наши страдания – необитаемый остров”. Я плохо запоминаю цитаты, но эти слова когда-то врезались мне в память и теперь ожили и ошеломили – настолько они были точны и созвучны тому, что со мной творилось. Процедура продолжалась, я уже не видел никого вокруг. Пижама – знак крайнего убожества. Это одежда каторжника, раба, отверженного. Чего стоят все мои жалкие постройки? Что я о себе возомнил? Как мог забыть, что жизнь – всего лишь переход из праха в прах? Теперь я знал, что я – ничто, и мне не с кем даже разделить это знание.

– О нет, не может быть! – простонал врач.

– Что такое?

– ...

– Да что случилось, вы мне можете сказать?

– Что-то тут не в порядке...

– Не в порядке?

– Ну да... И надо ж было мне нарваться!

Я не мог даже встать и не знал, что мне делать. Доктор вышел ко мне – он явно нервничал. Его как подменили.

– Мне очень жаль. Такого никогда не бывало.

– ...

– Система вышла из строя. Боюсь, починка займет несколько часов.

– А-а...

- Стол заклинило. Вы можете доползти до меня?

- Доползти?

- Да. Чтобы выбраться из трубы. Мне страшно жаль, месье! Попробуйте потихоньку на спине. Надеюсь, вам не будет больно.

Это оказалось не так уж трудно. Спина в таком положении, пожалуй, почти не ныла. Только как-то кружилась голова. Из-за движущейся трубы я потерял ориентацию в пространстве и времени. Наконец я выполз наружу, попытался встать, но не удержался на ногах и схватился за доктора, чтобы не упасть.

- Хотите воды?

- Нет, ничего, сейчас пройдет. Спасибо. А вы успели увидеть?

- Простите?

- Мою спину. Успели что-нибудь увидеть?

- К несчастью, нет. Начало исследования почти ничего не показывает. МРТ – это длительная процедура, и я не могу дать заключение по такой незначительной ее части.

- И... совсем ничего нельзя сказать?

- Увы, нет. – Он, кажется, замялся. – К сожалению, исследование придется отложить.

- ...

- Разве что вы пожелаете сделать его сегодня в другой больнице.

- Сегодня? Не знаю... Как скажете. Смотря насколько это срочно.

- Я думал только о вашем спокойствии. Если вы хотите все выяснить поскорее.
- Да, но... Я бы хотел узнать ваше мнение.
- С чисто медицинской точки зрения, можно подождать до завтрашнего утра.
- Что бы вы сами делали на моем месте?
- Я не на вашем месте.
- Понимаю. Но все-таки?
- Можно спокойно подождать до завтра.

Сначала этот ответ меня успокоил. Но потом я подумал: просто врач понимал, что если бы он посоветовал мне действовать немедленно, то спровоцировал бы ненужную панику. Так что ничего положительного в его совете отложить МРТ на завтра не содержится. Мне опять придется дожидаться окончательного решения. Система вышла из строя! И надо ж было, чтобы именно на мне! Как будто судьба испытывала меня – я проходил тяжелую полосу, полную препятствий. Мы договорились, в котором часу мне прийти завтра, и я ушел несолоно хлебавши.

На улице я сразу понял, что отвечал неправильно: теперь при ходьбе мне становилось хуже. В голове мутилось – и неудивительно. Когда боль не проходит несколько дней, начинаешь сходить с ума. Все вокруг виделось мне каким-то вывихнутым, перекошенным. Хотелось броситься под любую из проходящих машин – лишь бы перестало болеть. Лучше смерть, раз уж никак иначе не избавиться... Минуту-другую я стоял в полном ступоре, потом купил бутылку воды и принял две таблетки. Хромая, сделал несколько шагов. Состояние мое стремительно ухудшалось. Я вспомнил про остеопата, которого посоветовал Эдуар: не пойти ли к нему... да нет, не стоит. Я интуитивно чувствовал: дело не в том, что у меня прострел, ушиб или что-то там, к черту, сместилось. Иначе меня бы не скрутило так внезапно, без предварительных симптомов и без видимых причин. К счастью, таблетки быстро подействовали. Или это эффект плацебо? Как бы то ни было, боль отпустила, и почему-то мне приспичило отправиться на работу.

20

Интенсивность боли: 8

Настроение: выжидательное

21

В офисе все, кто попадался навстречу, глядели на меня как на диковинного зверя. Наверно, все уже знали про конфуз с японцами. За долгие годы у меня сложились добрые отношения с коллегами, и теперь на лицах некоторых читалось сочувствие. Или скорее облегчение? Ведь допустить ошибку в работе рано или поздно может каждый, поэтому кто-то обрадуется – хорошо, что такое случилось со мной, а не с ним. Много ли нам надо для счастья: другой споткнулся – уже хорошо. И ведь никто не знал, что меня подло подставили. Мерзавцев не заметно – как раз по этому признаку их и можно распознать среди сослуживцев. Я видел, как мои хорошие приятели весело разговаривали с Гайаром у кофемашины. Они и не подозревали, каков он на самом деле. Я один знал, на что он способен, и от этого было еще противнее. Я мог бы его разоблачить, но что толку. Доказательств-то никаких. Как я докажу, что он дал мне ложные данные для сметы проекта? А значит, хочешь не хочешь, приходилось пока молчать.

Иные палачи не выпускают жертву из когтей. Не успел я сесть за свой стол, как явился Гайар:

– Как дела?

– ...

– Знаешь, мы за тебя волновались.

- Что тебе надо?

- Мне не хотелось бы, чтоб мы месяцами дулись друг на друга. Что было, то было, давай не будем к этому возвращаться.

- ...

- Я понимаю, это нелегко. Ты столько работал, а тебя исключили из проекта.

- Выйди, пожалуйста, вон.

- Хорошо, но я скоро вернусь. Мы тут посоветовались с Одибером... тебе поручат новый проект.

- Вы с Одибером?

- Да. Тут у нас кое-что поменялось, теперь твой непосредственный начальник - я. Так будет проще.

- ...

- Надеюсь, проект тебе понравится. По крайней мере, не будешь сидеть без дела.

- ...

- А как твое здоровье, лучше? - бросил он на прощание и вышел, не дожидаясь ответа.

Итак, я его подчиненный. Столько лет работать на фирме, горбатиться над сметами, чтобы попасть в зависимость от наглого честолюбца. Гайар упивался своей победой. Он говорил со мной деловым тоном, сохранял серьезный вид, но под этой маской, я-то чувствовал, скрывалась ухмылка. Угадывалось, как ходили желваки на скулах - точно рука онаниста в кармане. Знавал, знавал я таких, как он, упивающихся своей маленькой властью. Насквозь его видел. Закрыв глаза.

Типичный случай – когда-то в прошлом его дразнили и травили сверстники. И он остался на всю жизнь затравленным подростком. Для самоутверждения ему необходимо подавлять других. Свой вечный страх он худо-бедно прикрывает насилием. И даже блестящей карьеры мало, чтобы утолить его жажду мести. Такого человека не убеждает собственный успех. Он все равно ощущает себя самозванцем. Посредственность – такова его неизменная внутренняя суть. Небось, сидя на террасе парижского кафе, он постоянно готов к тому, что его вышвырнут вон. И знает, что такое может случиться в любой момент. В любой момент его могут выгнать из приличного общества. Поэтому он берет свое криком. То же самое с женщинами. Когда-то он драл глотку под окнами недоступной красотки. Строил из себя романтика, поэта, безумца. Хоть в глубине души, я уверен, он женщин презирал и презирает. Потом, спустя годы, женился. Мне иногда случалось видеть в офисе его жену, и она всегда казалась мне несчастной. Глубоко несчастной. Должно быть, поначалу этот человек, любивший пышные речи и жесты, полный новых амбиций с утра и горькой досады к вечеру, чем-то ее привлек. Наверно, это и правда может растрогать: карлик с такими честолюбивыми планами. А ему хотелось блистать, показывать себя героем, все время где-то привирая, что-то искажая. Но для того, кто наблюдал эту комедию из ближних лож домашнего театра, притворство было очевидно. Жена очень скоро увидела его таким, каков он есть на самом деле. В ее глазах он читал ежедневные сводки своей посредственности. Принц превратился в жабу. И это лишь подстегивало в нем стремление любыми средствами быть первым. Кто страдает подобным неврозом, находит иллюзорное облегчение в ненависти к людям. В лихие времена он был бы отличным солдатом или пособником палачей. И служил бы нацистам из одного-единственного побуждения: из зависти к евреям. Но это другая история. Притом, что я много от него натерпелся, мне не давали покоя капли пота у него на лбу. Подчас меня тянуло утереть их. Одолевало нелепое желание уступить ему, сделать все, что угодно, лишь бы он так не мучился ненавистью. Возможно, я такой же извращенец, как и он? Иначе чем же объяснить такую глупую наивность? Он есть не что иное, как детище моей бесхребетности.

Я сидел и ждал, пока он принесет мне новое дело. А на столе по-прежнему лежали документы, относящиеся к японскому проекту, я медленно, страницу за страницей, их перебирал. Несколько месяцев труда – и все псу под хвост. Пришла моя секретарша – или уже не моя? Осведомилась о моем здоровье. Все хорошо, буркнул я.

- Это ужасно, - сказала она. - Вы такого не заслужили.

- Спасибо.

- Вы порядочный человек, - прибавила она и вышла.

Может, конечно, она говорила это из жалости, но я был тронут.

И даже чуть не прослезился. Несколько дней подряд я крепился, старался стерпеть неприятности и боль, и вот вдруг простые слова Матильды пробили брешь в моей броне. Все правильно: я порядочный человек и не заслужил такой несправедливости. Однако же я безропотно смирюсь с новым положением вещей - слишком я малодушен, чтобы бороться. Что ж, видно, такова моя натура: я отдаюсь на волю обстоятельств и не способен плыть против течения. Рыба она рыба и есть[9 - Я имею в виду свой знак по гороскопу. А мой восходящий знак - Скорпион, отсюда моя непреодолимая тяга держаться в тени.].

Мой кабинет практически опустел. Я снял трубку позвонить родителям. Мама в этот час наверняка возится на кухне - готовит обед. А отец смотрит телевизор и ругает все, что продается в "Телемаркете": "Какая чушь! Кому это нужно!" Я словно видел эту сцену своими глазами, а чего никак не мог себе представить, так это молодых и влюбленных отца с матерью, идущих, взявшись за руки, и решивших завести ребенка - меня. Мы все родились в каком-то фантастическом романе, где наши родители были молодыми, беспечными и любили друг друга. Что касается моих, то у меня было такое впечатление, что они всю жизнь жили так, как теперь, будто актеры, обреченные до бесконечности играть одну и ту же сцену, в которой не имеют права изменить ни слова. Поэтому мой неурочный звонок должен был их озадачить.

- Здравствуй, мама. Я хотел пригласить вас вечером на ужин к нам домой.

- ...

- Мама?

- Вечером? Прямо сегодня?

- Да. Сегодня вечером.

- У тебя важные новости?

- Нет, ничего особенного. Просто мне будет приятно, если вы придете.

- Послушай, если что-нибудь случилось, лучше скажи прямо сейчас.

- Да ничего не случилось.

- Ты что, разводишься?

- Да нет же, мама, я зову вас просто так... если вы не хотите, не надо.

- Ну почему же... я приду... с удовольствием. Надо только спросить у отца, нет ли у него других планов на вечер.

- Давай.

Я сделал вид, что верю, будто у отца могут быть какие-то планы, о которых она не знает. У таких, как они, не принято делать что-либо порознь. В их поколении "жить вдвоем" буквально означало "жить вдвоем". Воплощение зарока "быть навеки вместе в радости и в горе". Пожизненный сентиментальный маскарад. Сейчас родители пошепчутся, идти к нам или нет, быстренько взвесят все за и против. Что касается отца, то все зависит от телепрограммы. Тут, если я не ошибаюсь, все складывалось удачно: в среду вечером никакого матча высшей лиги не предвиделось. Ожидание затянулось - видимо, приглашение сбило родителей с толку.

У мамы давно вошло в привычку упрекать меня - я, дескать, слишком скрытный, ничего про себя не рассказываю. При этом она не замечала, что если я делал шаг в ее сторону, то не встречал ни радости, ни нежности. Все эти упреки делались машинально, скорее для того, чтобы переложить свою вину на меня. Вот и теперь - я приглашал родителей на ужин, а в ответ вместо радости или хотя бы удивления приятному сюрпризу - только скопившееся за долгие годы бремя взаимного непонимания. Я чуть не пожалел о своем предложении и совсем забыл, что причиной его был страх смерти. Я чего-то ждал от родителей

и толком не знал, чего именно. Недолюбленные дети всегда надеются получить то, чего им не хватало, это известно. И, сколько бы раз я ни наталкивался на родительскую черствость, все равно подступался к ним вновь, питая бессмысленную надежду, точно у меня отшибало память.

Наконец мама сообщила результат затянувшихся на несколько минут переговоров:

- Придем с удовольствием.

Но таким тоном, что в это удовольствие плохо верилось.

- Прекрасно. Ждем вас в восемь часов.

- Принести что-нибудь с собой?

- Нет, ничего не надо. Я уйду с работы пораньше, чтобы все приготовить.

- Уйдешь пораньше? У тебя неприятности на работе?

- Мама!..

- Я просто спрашиваю, что такого! Первый раз слышу, что ты уходишь пораньше.

- Я много работал в последнее время, закончил кое-что до срока.

- Ну-ну... - сказала мама, но в голосе ее послышалось сомнение.

Оно и понятно: слишком неправдоподобно это звучало: чтобы я рано уходил с работы. Я много лет преувеличивал важность своей работы, чтобы пореже с ними встречаться. Бывало, выдумывал даже ночные совещания - предлог не приходить на дни рождения. Так или иначе, но все происходящее нарушало сложившуюся логику наших отношений. Моя жизнь менялась самым неожиданным и радикальным образом, и я увлекал за собой всю семью.

Гайар, как и обещал, явился снова, чтобы ознакомить меня с новым проектом[10 - Он, разумеется, зашел без стука, но если я начну перечислять все его бестактности, этому не будет конца.]. Речь шла об устройстве парковки на месте недавно снесенного здания. Поскольку площадка представлялась ненадежной, муниципалитет из предосторожности решил ничего на ней не строить и отдать под парковку. В скором времени намечалась встреча с основными подрядчиками. Гайар посоветовал мне съездить и осмотреться на местности. Именно так он и выразился, а потом прибавил:

- Добираться несложно. На электричке от Северного вокзала, а там автобусом.

- ...

- Надо только узнать расписание. По-моему, автобус ходит каждый час. В общем, держи меня в курсе.

Гайар ушел, а я стал просматривать документы. Стоило работать двадцать лет, чтобы тебе поручили дело, с которым справился бы любой стажер. Это был самый легкий из всех, какие ни на есть, проектов. Я мог бы отказаться и уйти. Ведь ясно же – меня подталкивали к этому. Чистое издевательство, но сломаться нельзя. У меня не было выбора. Я должен платить за дом, обеспечивать детям учебу, зарабатывать на пенсию. А если у меня обнаружится серьезная болезнь, лучше умереть служащим, чем безработным.

22

Интенсивность боли: 7

Настроение: семейное

23

Ближе к вечеру я отправил сообщение дочери – чтобы она тоже пришла на семейный ужин. Она согласилась и, как все остальные, спросила, не случилось ли что-нибудь. Я рано ушел из офиса, а незадолго до этого принял восьмую за день таблетку. Они помогали все меньше и меньше. Целый час я пытался найти положение, в котором болит не так сильно, пока не оказалось, что я сижу одной ягодицей на стуле, а другую держу на весу. Не раз, когда боль делалась нестерпимой, я подумывал, не отменить ли ужин – дурацкая идея позвать родителей возникла, когда мне на время стало лучше. Хотя, пожалуй, на семейном сборище найдутся другие поводы для размышления и раздражения. Может, это хороший ход: когда тебе плохо, устрой себе что-нибудь еще похуже, ведь только зло может отвлечь от зла. Я наконец забуду о своей спине.

Сначала я собирался зайти на рынок и купить овощей для рататуя. Но это слишком хлопотно. Элиза придет домой не раньше семи, а кроме того, этот ужин – моя затея, значит, я сам и должен все организовать. Проще всего заказать что-нибудь готовое. Вот уже несколько месяцев некий поставщик ливанской кухни совал мне в почтовый ящик свои проспекты и скидочные карточки; до сих пор я не обращал внимания на эти бумажки, а иногда даже злился, что от них нет спасу. Но видимо, упорство вознаграждается – когда понадобилось, я вспомнил об этой ливанской кухне. Прошло много лет, с тех как я последний раз ел ливанские блюда, и я боялся заблудиться в кулинарных дебрях. Мне нужно было что-нибудь простое, укомплектованное, полный ужин.

– Алло?

– Добрый день. Я хотел бы сделать заказ на вечер.

– Сегодня? Это невозможно.

– Но почему?

– У нас сегодня некоторые затруднения.

– Вот как?

– Но тут неподалеку есть марокканская кухня.

- Что ж... это тоже подойдет.

- Записывайте номер.

Девушка, говорившая со мной, совершила почти подвиг: ухитрилась быть относительно вежливой, хотя ей явно было некогда. Удивительно, что она дала мне телефон марокканца, возможно, своего конкурента. Похвальная коммерческая солидарность. С другой стороны, непонятно: как можно затратить столько сил на рекламу, а в час Ч, когда самый малопредсказуемый клиент (в данном случае я) наконец не выдержит обстрела и сдастся, оказаться неготовым его обслужить? Несколько дней спустя, не помню уж откуда, я узнал: эту лавочку прикрыла санитарная инспекция. Мы всей семьей могли отравиться – то-то был бы скандал! В кои-то веки я пригласил к себе домой родителей – они наверняка решили бы, что я задумал их убить. Пронесло, слава богу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

То есть к мнению родителей.

2

По десятибалльной шкале.

3

Другие ненавистные: “заведовать”, “толика”, “результативный”, “бюджетник”, “хроникер”, “единокровный”, “пункция”, “сызнова”, “шершавый”.

4

Благодаря этой технике мы все постоянно на связи друг с другом. Иногда я этому очень рад, а иногда воспринимаю как удавку на шее.

5

“Плавучий остров” – десерт из белкового суфле и заварного крема. (Прим. перев.)

6

Нина. Интересно, кем она в итоге стала: флористкой, юристкой, галеристкой?

7

Патрик Руа (1952–1993) – популярный французский теле- и радиоведущий, умер от рака костей. (Прим. перев.)

8

Филипп Лавиль (род. в 1949) – французский певец. (Прим. перев.)

9

Я имею в виду свой знак по гороскопу. А мой восходящий знак – Скорпион, отсюда моя непреодолимая тяга держаться в тени.

10

Он, разумеется, зашел без стука, но если я начну перечислять все его бестактности, этому не будет конца.

Купить: <https://tellnovel.com/david-fonkinos/mne-luchshe-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)